

Анна Берсенева

MAINSTREAM

COLLECTION

Песчаная
роза

Mainstream Collection

Анна Берсенева

Песчаная роза

«Анна Берсенева»

2022

Берсенева А.

Песчаная роза / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,
2022 — (Mainstream Collection)

Серебряное кольцо с песчаной розой достается Соне Артыновой в наследство. И очень ей подходит: цвет песка имеют ее волосы и глаза. Она считает их невыразительными, как, впрочем, и себя саму, лишенную ярких эмоций и сильных чувств. Соня живет словно в анабиозе – ожог, полученный от первой любви, оказывается столь болезненным, что никого и ничего не хочется ей впускать больше в свою жизнь. И кажется, что все меняет случай... Но Соня не знает, что резкие повороты в судьбе – черта наследственная. Ее прабабушке довелось сменить Германию на Россию, Крым на Бизерту, археологическую экспедицию на плен у туарегов, Алжир на Париж... И дело не в охоте к перемене мест. А в реакции на зло и в стремлении защитить от него главные жизненные ценности.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	54
Глава 15	58
Глава 16	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Берсенева

Песчаная роза

Часть I

Глава 1

– Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты.

Соня поднималась на эскалаторе, а мужской голос послышался с того, который шел вниз. Когда она оглянулась, было уже невозможно понять, кто произнес эти слова. Пестрая летняя людская лента, разноцветные наряды и слитный гомон. Даже странно, что она расслышала отдельную фразу.

Но всю дорогу от метро до Большого Козихинского переулка эти слова оставались на поверхности ее сознания. Значит, есть в них что-то существенное, причем не вообще, не в целом, а лично для нее. Ей хотелось понять, что именно.

У подъезда стоял «Харлей», возле «Харлея» – Витька Васильчук с первого этажа. Его девушка Аля сидела на мотоцикле.

– О, Сонь! – обрадовался Витька. – Возьми котенка, а?

– Не возьму, – ответила Соня. – Я не хочу котенка. И собачку тоже не хочу.

– Так не насовсем же! Неделю подержи, мы вернемся и заберем.

– Да? – с недоверием спросила она. – А у тебя же вроде не было котенка.

– Вчера появился, – ответил Витька. – Из контейнера вылез, когда я мусор выбрасывал. Куда было деваться? Припер его домой. А мы в Краснодар едем, не тащить же с собой.

Соня терпеть не могла, когда ею манипулировали.

– А родителям почему не отдашь? – спросила она.

– В отпуске они! А то, конечно, им бы сгрузил. Временно, – поспешно добавил он. – Так-то кот зачётный, мы с Алькой его точно себе оставим.

Аля согласно кивнула. Она смотрела на Витьку преданным взглядом и, надо полагать, взяла бы даже крокодила, если бы того захотел ее любимый.

– Черт с вами, на неделю возьму, – вздохнула Соня. – Где он?

– Вот. – Витька с готовностью извлек из-за пазухи кожаной косухи облезлого котенка, черного как уголь. – Держи.

– Подожди, что значит держи? – возмутилась она. – А кормить чем? А туалет?

– Да чем хочешь корми, он не балованный, – заверил Витька. – Даже булку от гамбургера сожрал. А гадит на газету.

Он явно собирался воспитывать кота по собственному неприхотливому образу и подобию. Объяснять, что его стиль жизни не универсален, было уже во всех отношениях поздно.

– Ладно, – сказала Соня. – Как его зовут?

– Бентли.

– А почему не Харлей?

– I have a dream!

С этими словами Витька вскочил на мотоцикл и газанул прежде чем Соня успела еще что-либо спросить.

Впрочем, спрашивать было и нечего. Оставалось надеяться, что по возвращении Витька с Алей не передумают забирать своего несуразного кота мечты.

«Если передумают, отнесу Ирме Петровне, – сердито подумала Соня. – И спрашивать не буду, хочет она или нет».

В конце концов, облезлый Бентли – не самое обременительное для Ирмы Петровны последствие поступков ее сына, бывали и похуже.

Бентли сидел на ладони тихо, как мышь. Он и был немногим крупнее мыши. Уши, несо-размерно большие, напоминали крылья с эмблемы одноименного автомобиля. Хотя вообще-то из-за этих ушей он был похож скорее на нестрашного гремлина, чем на что-либо роскошное.

Лоток, наполнитель, кошачий корм – Соня точно не мечтала возиться с подобными вещами. Но и чрезмерно сложным все это не назовешь.

Войдя в квартиру и держа в одной руке котенка, чтобы не сквозанул куда-нибудь под диван, другой рукой она налила молоко в розетку для варенья и поставила в микроволновку греться. Потом, пока Бентли лакал, выбросила увядающий букет из выкрашенной в сиреневый цвет ивовой корзинки и застелила ее бамбуковым полотенцем. Когда застилала, подумала, что Витьке наверняка и в голову не пришло вымыть извлеченного из помойки котенка, значит, это придется сделать ей. И ветеринару его показать тоже. Все-таки мороки с этим Бентли намеча-лось немало.

Соня вынула из обувной коробки свои туфли и, как только котенок допил молоко, отнесла его в туалет, где эту коробку и поставила. Он с удовольствием порылся в коробке, задрал хвост уселся в наполняющие ее бумажные стружки, а потом закопал содеянное. В корзинку из-под букета Бентли забрался самостоятельно и тут же уснул.

«Удивительно, что я делаю все это машинально», – подумала Соня.

Домашних животных у нее никогда не было, так что это в самом деле было удивительно.

А может и нет – когда она была погружена в собственные мысли, то внешний мир и дей-ствия в нем вообще не отвлекали на себя ее внимание. Странно было бы, если бы это измени-лось из-за котенка.

Максим вернулся из командировки утром и сразу поехал на работу, потому что заранее назначил совещание. Договорились вместе поужинать, потом скорее всего пойдут к нему. Они не виделись две недели, разлука всегда взбадривала чувства, в этот раз тоже, и Соне хотелось выглядеть обворожительно. Ни с кем и ни по какому поводу не хотелось, а с ним – всегда, и вовсе без повода тоже.

Когда-то бабушка Лиза объясняла, что бывает одежда для себя, для подружек и для муж-чин, и путать эти категории не нужно. Удивительно, что она знала такие вещи: после смерти мужа больше замуж не выходила и мужчин у нее вроде бы не было, во всяком случае, на Сони-ной памяти. Правда, за пределами ее памяти была ведь бабушкина молодость, в которой та, резкая и ироничная, вполне могла приобрести самый разнообразный опыт.

Как бы там ни было, некоторые бабушкины советы оказались очень точными. О том, например, что надо выбирать профессию, которая прокормит, и тогда при выборе мужа можно будет позволить себе любовь, а не программу жизнеобеспечения. Правда, хоть Соня и считала этот совет дельным, последовать ему смогла не полностью: для получения денежных профес-сий требовалось не только желание, но и способности к точным наукам, а их, к ее сожалению, не обнаружилось. Впрочем, и работа редактора бизнес-литературы ее устраивала. Деньги это давало не то чтобы большие, но достаточные для того образа жизни, который был ей свойстве-нен, и любовь она в самом деле смогла себе позволить.

Совет не путать одежду трех категорий тоже относился к числу тех, которым она следо-вала. Для себя Соня надела бы сейчас все равно что, лишь бы удобное. Для подружек выгуляла бы босоножки от Джимми Чу, которые Максим купил ей, когда ездили в Лондон. А для муж-чин... Ее мужчина ценит утонченную сексуальность, и она это учтет. Тем более что и соответ-ствующее платье недавно куплено.

Одеваясь, она вспомнила, как собиралась на первое с ним свидание, не понимая еще, что в данном случае считать одеждой для мужчины, и как потом постаралась представить рядом с ним не лично себя, а некую женщину, идеально ему подходящую, и сразу стало понятно, что надеть.

То первое свидание у них было на Патриарших. Погуляли вокруг пруда, посидели на Воландовой скамейке и пошли ужинать в ресторанчик на углу. Тополиный пух вился под ногами, трепет воды был не только виден, но и слышен, а от смеха детей, играющих у памятника Крылову, ощущение безмятежности, ясности жизни становилось завершенным и полным.

Теперь о встрече вечером на Патриарших не могло быть и речи. Вместо тихого уголка старого Центра здесь как-то незаметно и очень быстро возникла зона такой исступленной оргии, которая у Сони вызывала оторопь, а у Максима брезгливость. Вечерами вокруг пруда все гремело музыкой, орало пьяными голосами, воняло мочой и вызывало одно лишь желание: обойти это место за три версты.

Соня вызвала такси к подъезду. Вечерняя гулянка уже разгоралась, и казалось, что бессмысленная, зловещая какая-то вибрация чувствуется даже в стенах ее дома в километре от Патриарших.

Глава 2

Максим еще утром, позвонив из приземлившегося самолета, спросил, не против ли она, чтобы он сам выбрал ресторан. Соня никогда не бывала против таких вещей, мог бы и не спрашивать, но было приятно, что спросил.

В Большом Саввинском переулке, где этот выбранный им ресторан находился, хватало недавно построенных многоэтажек, уродующих городской пейзаж, но по крайней мере было тихо. И в самом ресторане музыка не гроыхала, а едва слышно струилась. Ресторан был респектабелен, это становилось понятно сразу при входе.

В Максиме, впрочем, излишней респектабельности не было. Точнее, не было стремления выглядеть, а не быть, которое респектабельностью обычно и называют. За день он устал, и это вносило в его вечерний облик тот завершающий шарм, который проявляет и выявляет внешность полностью.

Он встал, как только Соня подошла к столу, поцеловал ее, отстранился, окинул быстрым взглядом и сказал:

– Прекрасна, как всегда. И еще более, чем всегда.

Соня улыбнулась его комплименту и спросила, садясь:

– Удачно съездил?

– Уже забылось.

– Был тяжелый день?

– Напряженный, я бы сказал.

В чем состояла напряженность, расспрашивать она не стала. Максим генеральный директор девелоперской компании, поводов для напряжения в его работе много. Вряд ли он сможет рассказать ей обо всех и наверняка не захочет делать это вечером трудного дня, тем более в ресторане.

– Здесь красиво, – сказала Соня, озираясь.

Внизу она заметила бар, вдоль стойки которого мерцала подсветка в виде прозрачно-голубой волны. А здесь, на втором этаже, в центре зала переливалась над большим круглым столом огромная стеклянная луна.

– У нас представлены разные стихии, – сообщил подошедший официант. – Это Лунный зал, есть залы Земли и Огня. И Воздуха, это на веранде.

– На веранде холодно, – сказал Максим. – Посидим под луной, если ты не против.

Соня была не против.

Заказали ужин, выпили белого вина, заедая пряной лепешкой, выбранной в хлебной корзинке из множества необычных сортов. Соня соскучилась о своем мужчине и видела, что он соскучился тоже.

– Расскажи все-таки, что в Сибири было, – сказала она. – Ты же две недели там провел.

– Две недели я провел не столько в Сибири, сколько в офисах и на объектах. Никаких общечеловеческих впечатлений, одни профессиональные. Так что лучше ты расскажи, куда ходила и что видела.

Она ходила на концерт в Малый зал консерватории. Пианистка была совсем юная, никому не известная, людей пришло мало. И вдруг оказалось, что девочка очень талантливая. Когда в перерыве Соня вышла на улицу, все вокруг нее звонили знакомым, чтобы те срочно приезжали на второе отделение, на Шопена, который, судя по Рахманинову первого отделения, будет необыкновенным. Так оно и вышло: девочка играла так, что понятно становилось, почему Пастернак написал, что Шопен вложил живое чудо фольварков, парков, роц, могил в свои этюды.

Неизвестно, являются ли эти впечатления общечеловеческими, но Максима они вряд ли заинтересуют. Он готов был изредка ходить с Соней на концерты, но именно готов и именно изредка. Говорил, что ему бывает необходимо погрузиться в какую-нибудь светлую аморфную субстанцию, чтобы расслабиться, и классическая музыка для этого в принципе подходит, но долго он в такой субстанции находиться не в состоянии.

– Мне пришлось взять котенка, – сказала она.

– Что значит пришлось?

Его бровь удивленно приподнялась, и Соня залюбовалась ее волнующим изгибом.

– На неделю, – уточнила она. – Сосед попросил. Зовут Бентли.

– С юмором твой сосед.

– Говорит, это в честь мечты. Хотя на самом деле нет. Просто он с юмором, да.

Когда Витьке было пять лет, он попросил сигвей у забредшего во двор пьяного хипстера и умудрился покатать девочку, которую выманил для этого из песочницы – к ужасу своей мамы, не понимавшей, где ее маленький сын научился обращаться с сигвеем. Соня улыбнулась: да, в автомобиле «Бентли» недостаточно бесшабашности, чтобы он мог быть Витькиной мечтой.

Принесли каштановый суп с лангустинами. Максим хотел доставить ей удовольствие, и это ему удалось, суп действительно был вкусный. Неспешно ели, разговаривали о каких-то не слишком волнующих, но приятных вещах, наблюдали за голограммами, которые возникали под потолком в лучах проектора, и за тем, как с переменной блюд причудливо меняется подсветка зала...

– Пойдем? – наконец спросил Максим.

Соня улыбнулась, глядя ему в глаза, и ответила:

– Да.

– Ко мне?

– Хорошо.

– Ты сводишь меня с ума. Знаешь?

– Догадываюсь! – засмеялась она.

– Ты этому рада?

– Конечно!

– А мне иногда кажется, что тебе все равно.

– Почему тебе так кажется? – удивилась Соня.

– По тебе трудно понять, что ты чувствуешь.

– Это плохо?

– Это возбуждает.

– Значит, это хорошо?

– Значит, так.

Максим жил рядом, на Плющихе, и домой к нему пошли из ресторана пешком. Август стоял теплый, идти по вечерним улицам было приятно. Прошли по набережной мимо высокого полукруглого дома и свернули во дворы. Максим обнял Соню и, склонившись, поцеловал в поперечную прорезь, сделанную на ее платье так, будто ткань случайно разорвалась на груди.

– Ты одеваешься просто сумасшедше, – проговорил он.

Голос его стал низким, kloчочущим, и это свидетельствовало о возбуждении больше, чем слова.

Платье в самом деле было выдающееся. Пока Максим был в командировке, Соня съездила в Юрмалу к Лайме, с которой училась в университете. Увидев это платье в рижском магазине, она сразу поняла, что Макс такое оценит. Бледно-зеленое, из плотного трикотажа, до лодыжек длиной, закрыто до горла, и вот эта распадающаяся поперечная прорезь на груди. Ложбинка, которая виднелась в прорези, выглядела так, что, когда Соня ожидала сегодня такси у своего дома, проходившая мимо злобная тетка окинула ее таким взглядом, каким посмотрела

бы, наверное, на голую распутницу. У платья имелся, правда, еще разрез сбоку, от лодыжки до бедра, но он не был виден, пока не сделаешь шаг, так что впечатление, произведенное на тетку, объяснялось только развратным видом прорези.

Максим вдохнул глубоко, словно стараясь замедлить сердцебиение. Рассыпанные по плечам Сонины волосы попали ему в нос, и он чихнул. Соня засмеялась, поцеловала его, и они вошли в подъезд.

Его дом тоже был построен недавно, и его же компанией, поэтому пентхаус, который Максим для себя выбрал, являлся образцом безупречного современного жилья. Соне нравилось смотреть в огромное панорамное окно, за которым открывался вид на Москву-реку, церковь Михаила Архангела, цепочки и созвездия городских огней.

Она прошла в комнату и остановилась возле низкого стеклянного столика, глядя на эту сияющую московскую россыпь.

– Как твоё платье снимается?

Максим поднял Сонины волосы и коснулся губами ее затылка. Его дыхание было горячим, и она знала, что это от желания, направленного на нее.

– Как перчатка, – ответила Соня.

Он присел на корточки, распахнул платье сбоку по разрезу и, целуя ее ногу по всей открывшейся длине, потянул платье вверх, снимая его и вставая одновременно.

– Понимаю средневековых пуритан, или кто они там были... – пробормотал Максим. – Нет ничего эротичнее виднеющейся из-под платья пятки. Но смотря чьей, правда.

Они соскучились, конечно, не только по тому, чтобы пить вино под стеклянной луной, но и по тому, что соединяло, сплетало их сейчас на полу. Не хватило терпения добраться до кровати, да и зачем, если так хорошо на светлом ковре перед стеклянной стеной, за которой город, и река, и огни, и все это пульсирует энергией так же, как их мгновенно сомкнувшиеся тела...

– Надо было продлить удовольствие, – выдохнул Максим, прижимая к себе раскинутые Сонины ноги.

– Тебе его не хватает?

Она сдвинула колени, повинувшись его рукам, и сжала его бока. От этого ее движения, то ли покорного, то ли исступленного, он вздрогнул и застонал. Удовольствия ему явно хватало, и ей тоже, несмотря на то, что все в самом деле произошло слишком быстро – Максим стал вздрагивать в ней почти сразу, как только она обняла его не ногами только, а всем телом. Но сейчас все и должно было произойти именно так, почти мгновенно: они соскучились оба.

– Вся ночь впереди, – сказала Соня, когда он затих, упершись лбом в ее плечо. – Еще будет и медленно тоже.

Максим перекатился на спину, лег рядом, раскинув руки. Потом покосился на нее и сказал:

– Давай сфотографирую тебя?

– Зачем? – не поняла она. – Для инстаграма, что ли?

– Чтобы ты увидела, как смотришься на этом ковре. Ты с ним просто сливаешься. Я специально такой выбрал.

– С которым я сольюсь? – засмеялась Соня.

Лежать рядом с Максом на мягком ковре было приятно.

– Ну да, – ответил он. – Глаза-то у тебя как песок. И по цвету, и по фактуре. И волосы тоже.

– Сразу видно строителя! – Соня засмеялась. – Может, ты и артикул мой знаешь?

– Артикула не знаю. А хотелось бы.

– Зачем?

– Для определенности. А то я в тебе тону.

– Тебе это не нравится?

– В сексе – нравится, и это еще мало сказать. А в жизни... – Он секунду подумал и твердо сказал: – Тоже нравится. В конце концов, должно же в моей жизни быть хоть что-то непонятное.

Что он имеет в виду, Соне как раз было понятно. Жизнь его выстроена по железобетонным правилам. Неизвестно, установил он их потому, что ему с такими правилами удобно, или потому, что без них ему не по себе, но во всяком случае Соня с ее книжками, музыкой и прочим подобным, наверное, выбивается из общего прагматизма его жизни, и ему это в самом деле нравится.

Максим встал, подал руку Соне и, когда она тоже поднялась с ковра, поцеловал ее в висок, сказав: «Какая прохладная!». Потом он пошел в глубь квартиры за вином: еще в ресторане сообщил, что у него есть ледяное рейнское.

Пока его не было, Соня достала из шкафа свой длинный шелковый халат и завернулась в него так, что видны остались только голова да пятки. Любуйся пуританской эротикой, раз нравится!

В этой квартире у нее было все необходимое для того чтобы, войдя, сразу же начать удобную, по собственному вкусу устроенную жизнь. Ключ от квартиры Максим дал ей после третьей ночи, которую она здесь провела, и тогда же предложил покупать сюда все, что она считает необходимым.

Это было два года назад. Если бы Соню спросили, почему они не съезжаются, она могла бы ответить: «Потому что он мне этого не предлагает», – и это было бы правдой, но правдой не полной.

Максим не предлагает ей перейти жить в его квартиру, потому что она ни словом, ни намеком не дает ему понять, что это возможно. Он самолюбив и не хочет встретить отказ. А она не говорит ему об этом, потому что... Да к чему искать сложные объяснения? Потому что ей тридцать семь лет, и то, что казалось желанным и само собой разумеющимся в двадцать, сейчас таковым уже не кажется.

За эти два года они создали для себя ту жизнь, которую можно называть комфортной, имея в виду комфорт не только внешний – с этим вот ковром цвета Сониных волос, и с прекрасным городом за окном, и с шелковым халатом в шкафу, – но и внутренний, то есть такой, в котором каждый из них пребывает в согласии с самим собой. Это далось им не методом проб и ошибок. Вместо ошибок были догадки, а пробы они если и делали, то настолько осторожно, что это ни разу не стало ни для кого из них болезненным и не вызвало неловкости.

Однажды в самом начале отношений Соня сказала, что отпуск у нее будет в октябре, и прекрасно, потому что в это время спадает туристический ажиотаж и становится приятно путешествовать. Максим ответил на это индифферентным «да?», не предложил провести отпуск вместе, и она почувствовала себя уязвленной. Но вскоре выяснилось, что на октябрь у него просто намечены важные переговоры, поэтому взять отпуск он не смог бы. Так что повода для обиды тогда не было, и он спокойно дал ей это понять. В октябре Соня поехала с подругой в Испанию, а следующую половину ее отпуска они заранее договорились провести вместе, и она даже не помнила, от кого исходила инициатива. Главным же приятным следствием всего этого стало понимание личных границ и непринужденное, без опаски обидеть партнера, существование в них.

– А как твой Бентли проведет без тебя ночь? – спросил Максим.

Он вошел в комнату, держа два больших шарообразных бокала в левой руке и бутылку вина в правой.

– Думаю, прекрасно. Учитывая, что предыдущие ночи он проводил в мусорном контейнере, – ответила Соня. – Я оставила молоко и куриную грудку вареную. До завтра ему, надеюсь, хватит.

– Я думал, ты побудешь у меня до понедельника.

– Побуду, если хочешь. Но завтра пятница. Все равно придется сходить на работу. Забегу утром домой и Бентли покормлю.

Все-таки правильно она не заводила никаких домашних существ. Максим рассчитывает, что она проведет выходные у него. Ее планы это не нарушает, но вот котенка уже приходится учитывать, тем более что его нужно не только покормить, но и поскорее показать ветеринару. А что было бы, если бы этот Бентли поселился у нее насовсем?

Ледяное рейнское пиво уже в кровати. Когда целовались, Соня чувствовала вкус вина у Максима на губах. Если бы ее попросили объяснить, что такое нирвана, она назвала бы именно это: мужчина, уставший и все равно вождедеющий ее, вино с едва ощутимой сладостью, одеяло, легкое и теплое, под которым она засыпает рядом с этим мужчиной, отзвуки любви во всем теле как последнее ощущение перед сном...

Глава 3

Бентли съел курицу, вылакал молоко и спал в цветочной корзинке, не свернувшись клубочком, а вытянувшись, совсем как человек. Правда, плед, лежавший вчера на диване, валялся теперь на полу, но это можно было считать приемлемым. Соня вынула Бентли из корзинки, отнесла в лоток, купленный по дороге, убедилась, что он роется в наполнителе так же охотно, как в бумажных стружках, и насыпала сухого корма в плошку, ожидая, согласится ли котенок это есть.

Сухой корм посоветовала продавщица в зоомагазине.

– Что значит однообразно? – хмыкнула она в ответ на Сонины сомнения. – Корм сбалансирован идеально. Все, что котенку нужно, в нем есть. И вам не придется думать, сколько минут ему рыбку отваривать, да не расстроится ли желудок. А вы – однообразно!.. Не судите по себе, животные иначе устроены.

Трудно было не согласиться. Вдохновенный хруст, с которым Бентли набросился на малоаппетитные шарики, лишь подтвердил эту сентенцию.

Издательство, в котором Соня работала, подходило ей по всем статьям. Главным образом, конечно, своим местоположением: от квартиры в Большом Козихинском до Тверского бульвара, где оно находилось, идти ей было десять минут.

Она вошла в подъезд старого доходного дома и поднялась по широкой винтовой лестнице. За двести лет, прошедших со времени постройки, ступеньки были отполированы до блеска и на каждой образовалась длинная ложбинка, протертая тысячами ног.

Квартиры давно уже были переоборудованы в офисы. В одном из них, под самой крышей, Соня и работала последние десять лет.

Вообще-то ей казалось странным, что до сих пор существует не сайт и не страница в соцсети, а ежемесячный бумажный журнал для индивидуальных предпринимателей. Название у него было незатейливое, но информативное, «ИП», и подписчики имелись даже в Москве, а в областных и тем более в маленьких городках их и вовсе было немало. А что он кажется скучным некой московской женщине, жизнь которой проходит в общении с состоятельным мужчиной и в посещении классических концертов или выставок современного искусства, – ну так он не для нее и предназначен.

Журнал обеспечивал Соне приличную зарплату, так как она со своей абсолютной грамотностью и умением обо всем писать понятным языком выпускала его одна; корректорша Нина Яковлевна говорила, что после нее даже корректуры не требуется. Соня редактировала, вернее, переписывала статьи, которые сама же и заказывала юристам и чиновникам, публиковала письма с вопросами от мелких предпринимателей, ответы от тех же юристов и чиновников и дополняла все это смешными рисунками студентов Полиграфа, в котором преподавала ее подруга. Читатели занимались бизнесом самым разнообразным, и письма от них попадались занимательные. Но в основном все-таки на бумажную версию были подписаны люди, которых интересовали рутинные вопросы: как вести себя с покупателем, который через суд требует, чтобы ему продали стиральную машину по ошибочно указанной цене, каковы риски найма работника по договору подряда, что делать, если заказчик спального гарнитура вдруг потребовал, чтобы цена была снижена...

Соня села за компьютер и продолжила править вчерашнюю статью о выплатах работникам за неиспользованный отпуск. Сентябрьский номер был почти готов, и она намеревалась сдать его к концу рабочего дня. Тверской бульвар за окном трепетал желтеющими листьями и сменяющимися, как в калейдоскопе, городскими мизансценами. И кто сказал, что в понятие интересной работы не входит возможность видеть в окне перед собою прекрасный этот буль-

вар и думать, выполняя привычные действия, как проведешь выходные с мужчиной, который этого ждет?..

– Сонь, ты волосы красишь или это свой цвет у тебя? – спросила Олечка Игнатьева, сидящая за соседним столом.

– Свой, – ответила Соня.

– Везет тебе, – вздохнула та. – Ровный такой, ну вообще. А седины еще нету или просто не заметно?

К Олечкиной бестактности все привыкли и не то что не обижались на нее, но даже и внимания не обращали.

– Может и есть. Но не заметно, – ответила Соня.

– Везет, – повторила Олечка. – Это у тебя от природы, наверное.

– Наверное, – согласилась Соня.

Олечка работала в издательстве еще дольше, чем она, и за все это время не изменилась ни на йоту. Даже одевалась в такие же трикотажные платья с вязаной каймой, которые носила всегда. Так что, может, ей и не стоило завидовать тому, что не меняется цвет Сониных волос. Но она завидовала, и это тоже было так привычно, что уже не привлекало внимания.

Зазвонил Олечкин телефон, она стала оживленно беседовать по-английски. Наверное, с автором книги, перевод которой редактировала. Олечка была выдающимся редактором, знала это и не стеснялась выдвигать условия своей работы, притом так твердо, что этому стоило поучиться. Иметь дома компьютер она отказывалась наотрез. Это можно было бы отнести к числу странностей, если бы странности у Оли были. На самом же деле в ее прихоти была железная логика: нет домашнего компьютера – нет и внеурочной работы, и срочных звонков от начальства в субботу вечером с требованием начать и закончить какую-нибудь редактуру до понедельника. Да, Оля была не странной, а цельной, как бриллиант.

Пришел дизайнер Саша, спросил, утверждает ли Соня новый журнальный макет, который он ей прислал.

– Я вчера с Шаховским встречался, – сказал он, забирая распечатку макета с ее пометками.

– Да? – без интереса спросила Соня. – Он в Москве?

В Издательском доме Шаховского они с Сашей работали девять лет назад. Так давно, что уже и не верилось. Подтверждением того, что все тогдашнее Соне не приснилось, было лишь ощущение, будто Саша ей родственник – со всей странностью, которую содержит в себе родство: уже и нет у вас общих интересов, и встречаетесь редко, но стоит увидеться, как осознаешь, что перед тобой близкий человек, хотя и непонятно почему.

– У него тетка умерла, завещала квартиру. Приехал документы оформлять. На неделю, – сказал Саша уже в дверях.

Хотя Соня не спрашивала, зачем и на сколько приехал Шаховской.

День покатился с разумной неспешностью, которая тоже входила в число достоинств Сониной работы. Обедать пошли втроем с верстальщицей Катей и с Ниной Яковлевной. Обе они, как и Соня, любили разнообразить свою жизнь городской гастрономией, а не приносить еду из дому. Нина Яковлевна прослышала, что в кафе на Малой Никитской пекут ежевичные пирожки, от которых будто бы ум отъешь. Сведения не подтвердились – пирожки оказались самые обыкновенные. Зато обнаружился французский татен, и вот он как раз был необыкновенный, и всем троим понравился.

Катя была молодая и беременная, Нина Яковлевна пожилая и одинокая, но обе способны были видеть нечто одухотворенное в простых подробностях жизни. Такая способность казалась Соне редкой и драгоценной.

– Я недавно альбом купила про Камерный театр, – сказала Нина Яковлевна, когда вышли из кафе. И добавила, заметив, что Катя не поняла, что за театр такой: – Он теперь Пушкин-

ский, на Тверском у нас. Но теперь это совсем не то, конечно. Какой красоты когда-то были спектакли, боже мой!

– Мне всегда было страшно жаль, что театр так призрачен, – сказала Соня. – Вышел из зрительного зала – и все развеялось. Не удержать.

– Зато в зрительном зале такие эмоции переживаешь, что никакие киношные эффекты не сравнятся, – возразила Нина Яковлевна.

Под эту приятную беседу они вернулись к себе на Тверской бульвар, и до вечера Соня уже не отрывалась от своего журнала, выглаживая последние материалы перед сдачей в типографию.

Про Бентли она вспомнила только в ту минуту, когда вышла с работы. Ничего страшного в этом не было, все равно собиралась зайти домой, чтобы переодеться перед тем как ехать к Максиму, так что котенок не остался бы голодным. Но все же стало неловко от того, что привыкла учитывать только себя. То есть, конечно, и Максим, и брат, и родители значили для Сони много, но жизнь каждого из них была устроена так, что все они, хоть и по разным причинам, обходились в своей жизни собственными силами.

Бентли играл с заколкой, которую сбросил с полки в прихожей, и на вошедшую Соню даже не глянул. Еды в его плошке оставалось еще достаточно, так что он, пожалуй, и не заметил бы, если бы она сегодня вовсе не появилась.

Хорошо, что Витька подобрал по крайней мере котенка. Щенок был бы требовательнее.

Соня досыпала Бентли корм и поменяла воду, думая при этом, какое надеть платье, и решила, что наденет крепдешинное, расписанное золотистыми розами; ей нравилось, что они словно тонким пером нанесены на ткань. Максим не выражал о нем своего мнения, но она знала, что хорошо выглядит в одежде, которая нравится ей самой, потому и любила надевать именно это платье, когда ехала к нему. Вдруг пойдут куда-нибудь в субботу или в воскресенье вечером? Скорее всего пойдут. И она будет нравиться себе, и ему это будет нравиться тоже.

В кухню вошел Женя с пластмассовым чемоданчиком. Соня и не слышала, что он здесь.

– Привет. Дрель папину возьму, а? – сказал он. – Через неделю верну.

– Привет, – ответила она. – Можешь не возвращать. Вряд ли кто-то будет стены здесь сверлить.

– Ладно, – кивнул Женя. – Если что, я приду и просверлю.

Когда им было лет по двенадцать, мама удивлялась, как могут двойняшки быть такими разными.

– Мой сын живет разумом, притом сильным, – говорила она. – А дочь – эмоциями, притом слабыми.

Из своего нынешнего возраста Соня понимала, что и слабые эмоции не оказывали на ее детские поступки сколько-нибудь заметного влияния. Чувства ее были подспудны, до поверхности жизни не докатывались даже их отзвуки, и поверхность эта оставалась безмятежной. Она ходила в школу, читала, гуляла с подружками во дворе дома в Подсосенском переулке, где прошло их с Женькой детство, потом круг прогулок расширился до размеров всего старого Центра – Москва находилась в той же глубине ее жизни, где и чувства...

У Жени, конечно, все было иначе. Даже во дворе, для Сони уютном, он вечно попадал в какие-нибудь опасные истории, из которых, правда, всегда выходил невредимым. То испытывал с друзьями взрывпакеты на пустыре за домом, то вся их компания зачем-то полезла на брандмауэр в Лялином переулке, стена под ними начала разваливаться, мальчишки попадали на асфальт, переломав кто ноги, кто руки, Женька же схватился на лету за какую-то скобу и, нащупав ногами выступ на стене, спустился вниз без травм, только ладони ободрал.

При этом ее брат не испытывал ни малейшей склонности к пустому риску, хотя потребность рисковать казалась Соне органичной для людей его склада. Личный опыт в том, что касалось мужчин, при ее образе жизни, правда, не был обширным, но книги довольно рано вос-

полнили его и даже превысили. Все наблюдения над жизнью, сделанные Андреем Болконским, Джолионом Форсайтом или Жаном Вальжаном, создали ее представление о мире мужчин, и, как Соня со временем поняла, оно оказалось на удивление точным.

– Ты котенка завела? – спросил Женя. – Вроде никогда не хотела.

– И сейчас не хочу, и не завела, – ответила она. – Витька с первого этажа на неделю оставил. У него «Харлей», ты его не помнишь, наверное.

В Большом Козихинском они в детстве подолгу жили у бабушки Лизы, потому что родители работали в закрытом военном институте и часто бывали в командировках. Теперь брат приезжал сюда лишь от случая к случаю и только вещи его оставались здесь, потому что больше держать их было негде.

– Помню Витьку с «Харлеем», – сказал Женя. – На любителя котят не очень-то похож. Хотя такой греmlin мог ему понравиться, – добавил он, бросив взгляд на ушастого Бенгли.

Когда, выйдя на пенсию, родители неожиданно продали квартиру в Подсосенском переулке и уехали на Алтай, чтобы разводить там в предгорьях лошадей, Соне с братом на двоих осталась бабушкина квартира. Как Соня ни уговаривала купить вместо нее две в каких-нибудь спальных районах, Женька отказывался. Говорил, что они с женой приходят домой только ночевать и им поэтому достаточно той, в которой они живут, главное, от работы не далеко. Но Соня понимала, что отказывается Женька не от избытка жилплощади, тем более не ему принадлежащей, и даже не от занятости своей. Вся его жизнь в самом деле проходила в больнице, особенно когда он стал заведующим реанимацией, но Сониной-то жизнь была связана с городом тысячами нитей, притом именно со старым Центром – с консерваторией, и с Театром на Малой Бронной, и с маленькой галереей «Роза Азора» у Никитских ворот... Брат просто не хотел эти ее нити разрывать, потому и отказывался делить бабушкино наследство.

Соне было от этого не по себе. Неёмко ей было – так называла это ощущение нынешняя Женина подруга. Звали ее Алеся, она была медсестрой и приехала год назад из Пинска. От нее Соня и узнала несколько белорусских слов, которые понравились ей простотой и точностью смысла.

С Алесей этой Женя познакомился всего месяц назад, но Соня предполагала, что его связывает с ней сильное чувство. Однако в Женькиной жизни было уже и сильное чувство, и слабое, и ни то ни другое не оказалось прочным.

Как бы там ни было, он переехал в квартиру, которую Алеся снимала в Тушине, туда и собирался переместить теперь отцовскую дрель. Надолго ли, Соня не знала.

Два года назад Женя стал работать в миссии «Врачи без границ» и постоянно уезжал то в Уганду, то в Мозамбик, то еще в какие-то жутковатые страны. Почему он так резко переменял тогда свою жизнь, Соня точно не знала, но догадывалась, что таким образом его конфликт на работе соединился с личной неприкаянностью. Брат ее был человеком максимально уживчивым в быту, но совершенно бескомпромиссным в том, что касалось жизненных принципов. Так что благополучных отношений с начальством здесь и сейчас ожидать ему не приходилось. Даже в Африке, наверное, было с этим проще. Почему он расстался с женой, отношения с которой были такие ровные, что их будто и не было вовсе, а потом с Линой, которую, наоборот, любил с каким-то пугающим надрывом, – об этом Соня его не спрашивала. И о том, что у него происходит с Алесей, не спрашивала тоже. Может быть, их связь не прочна и оборвется от ее вопроса – еще не хватало!

– Покормила бы тебя, но еда есть только кошачья, – сказала она.

– Я не голодный.

Ну да, Алеся, наверное, хорошо готовит. В отличие от нее, кстати.

– У вас с Алесей... все в порядке? – все-таки спросила Соня.

– Что ты называешь порядком?

Глупость спросила, конечно.

– Ну... – замялась она.

– Видно, я ее ждал всю жизнь, – не дождавшись уточнения, ответил Женя.

Не только характер, но и глаза у него совсем не похожи на Сонины – не песчаные, а ледяные, если уж пользоваться подобной терминологией. Непонятно, в кого у них обоих такие глаза, не в родителей точно.

Наверное, посторонние эти мысли мелькнули в голове, потому что его слова, а еще больше – сдерживаемая сила, с которой он их произнес, ошеломили Соню. Ничего подобного она от брата не слышала даже во время его безумного романа с Линой. И не слышала, и не чувствовала в нем, хотя вообще-то чувствовала подсознательные мысли даже менее близких людей. Шаховской когда-то говорил, что в Танахе такие мысли называются речью в сердце, их Соня и чувствует.

– Давай я выйду, куплю что-нибудь? – уже обычным своим тоном предложил Женя. – Чем ты ужинать будешь?

– Я к Максиму еду. – Соня улыбнулась, прогоняя странную растерянность, вызванную его словами о том, что он всю жизнь ждал Алесю. – У него вместе и поедем. Или пойдем с ним куда-нибудь.

Женя приезжал в Москву между своими командировками так ненадолго, что за два года виделся с Максимом всего несколько раз. Как брат к нему относится, Соня не знала. Хорошо, наверное, с чего бы ему относиться плохо.

– Прямо сейчас едешь? – спросил он. – Подождать тебя?

– Еще душ приму.

– Тогда не буду ждать.

Женя коротко обнял ее и вышел. Как только за ним закрылась дверь, Соня почувствовала такое острое одиночество, будто осталась одна на всем белом свете. А ведь это совсем не так.

Глава 4

Хорошо, что Женька не стал ее ждать, долго она что-то собиралась. В этом была, впрочем, и своя прелесть: стоя под душем, одеваясь, причесываясь, Соня медленно и подробно думала о Максиме, о сегодняшней ночи с ним и о завтрашнем дне, о том, что ночь будет страстной, и пусть слово пошлое, она ведь не произносит его вслух, а день, наоборот, пойдет ровно и неторопливо, может быть, Максим проведет его в каких-нибудь своих рабочих делах, не терпящих отлагательства даже в выходные, а она будет читать, сидя на диване у стеклянной стены и глядя на подернутый осенью город, а вечер будет у них уже общий, и вместе они придумают, чем его разнообразить...

Соня положила расческу на полку у зеркала и надела плащ, собираясь уже выйти из квартиры, как вдруг с лестницы донесся такой жуткий звук, что она вздрогнула и, распахнув дверь, выбежала на площадку.

Утробный вой раздавался с первого этажа. Соня побежала по лестнице вниз.

Дверь квартиры Васильчуков была распахнута. Возле брошенных в прихожей чемоданов сидела на полу Ирма Петровна и выла, раскачиваясь, как надломленное дерево. Рядом с ней стоял муж – его имя и отчество вдруг вылетело у Сони из головы – и тоже был похож на дерево, только неживое, окаменелое, хотя разве бывают окаменелые деревья, что за бред...

– Что случилось? – воскликнула Соня. – Ирма Петровна, что?!

Соседка не ответила, да и, наверное, не услышала даже своего имени. Имя ее мужа никак не вспоминалось, Соня лишь открывала и закрывала рот, пытаясь обратиться к нему.

– Витя. – Он сам повернулся к ней. – Витя погиб. На мотоцикле разбился. Под Краснодаром.

Голос его звучал ровно, и это было страшнее, чем крик его жены.

– Когда?.. – чувствуя, как немеют губы, спросила Соня.

– Вчера. Нам только что сообщили. – Он кивнул на чемоданы. – Мы из Испании приехали. И звонок.

– А Аля?

Имя Витькиного папы, которого она знала с детства, Соня вспомнить не могла, а имя девушки, которую видела всего два раза, почему-то всплыло в памяти сразу.

– И она. Вместе.

Витькин папа был каким-то немалым начальником, как Соня мельком думала, встречая его иногда в подъезде. Сейчас он выглядел так, словно ему вкололи седативный препарат – смотрит в одну точку, говорит ровным тоном, крика своей жены как будто и не слышит, даже не замечает ее... Оставить обоих в таком состоянии было невозможно. За распахнутой дверью их квартиры стояла мертвая тишина.

– Ирма Петровна, – присев на корточки, сказала Соня, – давайте пойдём домой?

Соседка не шелохнулась, но когда Соня обхватила ее плечи, то подалась вперед, а потом поднялась с пола. Ноги у нее при этом подгибались, но все-таки она сделала несколько шагов в свою квартиру. Муж вошел следом, глядя ей в спину. На чемоданы он даже не обернулся. Соня вкатила их в прихожую и закрыла дверь.

В следующий час она звонила сестре Ирмы Петровны, потом в платную «Скорую», потому что Витькиному папе стало плохо с сердцем, потом встречала врачей и заплаканных родственников...

Когда Соня вышла от Васильчуков, у нее самой подгибались ноги и, будь ее воля, она не поднялась бы к себе на третий этаж, а села бы здесь же на ступеньки. Но сделать это было, конечно, невозможно. Не хватало, чтобы возиться пришлось еще и с ней, да и некому возиться.

Когда она поворачивала ключ в своем замке, в квартире раздался грохот. Это заставило ее вздрогнуть, и она поскорее распахнула дверь.

Котенок опрокинул массивную бабушкину вешалку, стоявшую в углу прихожей. Как ему это удалось, непонятно – он был меньше нее раз в сто. Как бы там ни было, вешалка лежала на полу, сумки и зонтики рассыпались вокруг нее веером, а Бентли взирал на все это с невозмутимостью египетской кошки, изображенной на стене фараоновой гробницы.

От вида этого нелепого ушастого котенка Соню охватил такой ужас, словно кто-то сжал ей сердце ледяной рукой. Ремень сумки соскользнул с плеча, она наклонилась, чтобы упавшую сумку поднять, в глазах у нее потемнело, руки задрожали, она села на пол и обхватила себя за плечи, пытаясь совладать с дрожью, сотрясающей ее так, будто к ней подключили электрический провод.

Разве она не знала, что граница между жизнью и смертью так призрачна, так легко проницаема? Разве не пережила в пять лет первый ужас, когда поняла, что сама однажды умрет? Целая жизнь отделяла ее от той ночи, и от неостановимых слез, и от маминых уговоров рассказать, что случилось, и потом, когда, не добившись толку, мама вышла из детской, от Женькиных слов: «Не реви. Пока ты вырастешь, ученые такое изобретут, что вообще никто умирать не будет». Как ни странно, эти слова успокоили Соню в ту ночь и успокаивали потом до тех пор, пока она не выросла настолько, чтобы мысли о смерти стали управляемыми.

Но разве сейчас ее сотрясали мысли, абстрактные мысли? Нет, что-то другое... Как назвать это чувство, она не знала, но переживать его в одиночестве было невыносимо.

«Почему в одиночестве? – подумала она. – Я же собиралась к Максиму. Надо просто идти к нему».

Бентли точил когти о валяющуюся на полу кожаную сумку.

«Надо купить когтеточку, – вспомнила Соня. – Витьке-то и в голову не придет, он не купит точно».

Эта мысль снова пробрала ее доходящим до сердца холодом и одновременно заставила облиться потом. Соня оперлась рукой о пол, встала, пошла к двери. Оглянулась на Бентли, подумала, что надо, может быть, взять его с собой... Поскорее вышла из квартиры и захлопнула дверь.

Глава 5

– Ты сегодня сама не своя. – Взгляд у Максима был тот самый, который когда-то привлек Сонино внимание: блеск в глубине глаз, пленительный надлом брови на этом блеском. – Что-то случилось?

Вопрос он задал отстраненным тоном, которым всегда спрашивал о том, что вызывало у него недоумение или раздражение.

Соня не собиралась ему рассказывать о Витькиной гибели. Но и скрывать, раз уж он спросил, было бы странно.

– Сосед мой погиб, – ответила она. – Тот, который котенка на неделю оставил. Разбился на мотоцикле.

Максим помолчал, потом спросил:

– Вы дружили?

– Нет. Он на пятнадцать лет меня младше. Просто я его с рождения знаю.

– Да... Жалко парня.

– Его девушка тоже погибла.

– Соня. – Максим поморщился. – Это очень печально. Но такие вещи не надо в себя впускать. Они разрушают. Если требуется что-то сделать в связи с этим – сделай. Если нет – забудь.

Он был прав, Соня и сама это понимала. Но его правота была из тех, от которых становится не по себе.

– А что ты будешь делать с котенком? – спросил Максим.

– Понятия не имею.

Она действительно не знала. Бентли по-прежнему не вызывал ни умиления, ни желания оставить его у себя. Но, едва подумав о нем, Соня сразу же вспомнила, как Витька вскочил на мотоцикл со словами: «I have a dream!» – и ледяная рука, о которой она старалась не вспоминать, сжала ее сердце снова.

– Может быть, отнесу Витиным родителям, – сказала она.

Но еще не договорив, поняла, что сделать это невозможно. Явиться в переполненную горем квартиру со словами «а вот Витин котеночек»? Соня вздрогнула, представив это.

– Ты точно решила, что мы никуда сегодня не идем? – спросил Максим.

– Точно.

Он был этим явно недоволен, но и никаких особенных планов на сегодняшний вечер у него, наверное, не сложилось, и никаких сюрпризов не было приготовлено.

– Я закажу ужин?

Он взял со стола свой телефон.

– Если хочешь.

– Соня!

– Но мне правда все равно. К тому же я в обед наелась сладостей.

– Тебе можно не беспокоиться о фигуре.

– Я и не беспокоюсь. Просто не хочу есть.

Максим все-таки заказал ужин из мексиканского ресторана. Пришлось поесть, потому что гуакамоле было, конечно, выбрано специально для нее. Максим знал, что она любит это блюдо, значит, оно проходило уже по разряду его внимания и даже заботы, а этим она никогда не пренебрегала.

Погода к вечеру испортилась, стеклянную стену заливало дождем. При взгляде на широкие струи, стекающие по стеклу, у Сони обычно обострялось ощущение уюта. Но сейчас вме-

сто него было что-то другое, и определить это чувство ей не удавалось. Понятно было только, что оно тоскливое и даже тягостное.

После ужина Максим ушел в спальню. Соня включила посудомойку, приняла душ, погасила по всей квартире свет и села на диван. Городские огни струились по стеклянной стене вместе с дождем, это было очень красиво.

«Я жду, когда он уснет, – подумала Соня. – Это неправильно».

Она встала с дивана и пошла в спальню тоже.

– Наверное, нам стоит поехать куда-нибудь вдвоем, – сказал Максим, когда Соня легла рядом с ним. – Куда ты хочешь?

«Никуда», – чуть было не ответила она.

Но не ответила. По той же причине, по которой не отказалась от гуакамоле.

– Сейчас везде хорошо, – сказала Соня. – Бархатный сезон начинается. Тепло.

– Читаешь мои мысли. Мне именно хочется тепла.

Он притянул ее к себе и стал целовать. Она отвечала ему, понимая, что делает это с усилием. Это понимание наполняло ее беспокойством, для которого не было основания.

Никогда она не замечала в нем тревоги. Спокойствие привлекло ее к Максиму сразу, с первого взгляда, как с первого взгляда поражает любовь. А сегодня в нем чувствовалось то, что она сочла было тревогой, что было, возможно, чем-то другим, но чем, Соня не понимала.

Однако невозможно было не понимать, вернее, не замечать, что это состояние привело его к сильному физическому возбуждению. Ей не хотелось сегодня секса, но для отказа требовалось слишком большое усилие, не физическое, не насильное же он ее, но неосознанное и вместе с тем слишком грубое усилие души, сделать которое она не могла.

Обманывать Максима, имитируя удовольствие, Соня не стала. Она вообще не обманывала его ни в чем, и в постели тоже. Но он вряд ли заметил ее холодность: его сотрясали судороги, и вырвавшийся у него крик был слишком громок, чтобы он мог слышать, какое ровное у нее дыхание.

– В Испанию? – Максим еще вздрагивал, но уже еле ощутимо. – К Марбелье как ты относишься?

Он перекатился на спину и закинул руки за голову.

– К Марбелье я отношусь хорошо.

Соню почему-то покорило, что он продолжает разговор так, будто не было его крика, его судорог, еще не затихших в ее теле. Хотя этот ровный тон тоже был всего лишь знаком честности, принятой между ними.

– Выберешь отель сама, или я?

Наверное, надо было честно же объяснить, почему она не хочет ехать. Но Соня сказала другое:

– Я летний отпуск уже брала. Теперь смогу только в декабре.

– Неужели нельзя договориться? Поменяться с кем-нибудь.

– Поменяться нельзя. У каждого свое направление работы и свой график. Так у нас устроено.

– Жаль. Тогда поехали на выходные.

– На два дня в Марбелью?

– Отгул ты тоже не можешь взять?

– Отгул могу. Один. Но даже если у меня будет не два, а три дня, то в Марбелью получится как-то скомканно.

– Не думаю. Но спорить не буду. – Он перевернулся на живот, посмотрел исподлобья. В глазах было то непонятное, что она заметила только сегодня. – Давай забронирую коттедж в Подмосковье. Погода, конечно, не испанская, но сентябрь обещают теплый. Поищу что-нибудь у озера. Может, искупаемся даже.

Почему Максим так настаивает на поездке, было ей непонятно. Будто он женат, она замужем, и им приходится искать, где уединиться. Но не напоминать же, что в его лофте над Москвой-рекой уединение и так обеспечено.

– Поищи, – сказала Соня.

– На следующие выходные?

– Да.

В его поцелуе ей почудилось удовлетворение. Но, может быть, в самом деле почудилось. Ничего особенного нет в том, что они поедут на выходные к подмосковному озеру, и отчего бы ему испытывать при этом удовлетворение, будто он сумел настоять на чем-то своем?

Едва эта мысль промелькнула у Сони в голове, как тут же последовало и все, что она от себя гнала: крик Витькиной мамы, суতোлка горя, нелепый котенок, которому нет дела до жизни и смерти...

«Да какое же может ему быть до этого дело? – сердясь на себя, подумала она. – Господи, что за глупость лезет в голову!»

Тем более глупо было думать об этом сейчас, под невесомо теплым одеялом, под тихий шорох дождя, под дыхание Максима. Ничем кроме взбудораженных нервов невозможно было эту глупость объяснить.

Но лучше уж глупость в голове, чем ледяное дыхание в сердце.

Максим дышал ровно – удовлетворенно, снова подумалось ей. Этому следовало только радоваться: у нее не было сейчас ни малейшего желания объяснить ему свое состояние. Да она и себе самой не могла его объяснить.

Глава 6

С погодой действительно повезло. И повезло, что на следующей неделе начинался сентябрь и все родители повезли поэтому своих школьников в Москву. Так что пробка хоть и тянулась через весь Вышний Волочок, но в противоположном от озер и лесов направлении.

– До сих пор помню, как в такой вот пробке тосковал, когда родители меня с дачи в конце августа забирали, – сказал Максим. – Счастье, что это в прошлом.

С родителями он познакомил Соню примерно тогда же, когда дал ей ключи от своей квартиры. Те жили в загородном доме километрах в двадцати от Кольцевой, были приветливы, время от времени приглашали в гости и не настаивали на большем сближении. Это устраивало всех. Однажды Соня взяла у Максовой мамы рецепт сливового пирога, которым та их угощала, но сама так его и не испекла, не дошли руки. Опасалась, что мама спросит, удался ли пирог, но она не спросила. Может, это стоило бы считать безразличием, но Соня не считала. Она ведь попросила рецепт не потому, что он был ей нужен, а только из вежливости, и не исключено, что мама Максима это поняла.

Миновали наконец Вышний Волочок, проехали через несколько деревень и свернули на узкую дорогу, ведущую в лес, насквозь просвеченный солнцем и казавшийся от этого праздничным.

Но настоящая красота открылась, когда после леса въехали на пологий холм. Соня ахнула, увидев с этого холма большое овальное озеро. Оно было словно налито в долину, по нему бежала солнечная рябь, и невысокие камыши обрамляли его.

– Как красиво! – воскликнула она.

– Да, неплохо, – согласился Максим. – А ты не хотела ехать.

– Я хотела... – начала было Соня. Но собственные чувства сразу же показались ей слишком незначительными в сравнении с тем, что представало глазу, и она добавила только: – Но не думала, что здесь будет так прекрасно.

Озеро окружали несколько домов.

«Пусть наш будет вон тот», – подумала Соня.

Бревенчатый дом, который привлек ее внимание своей необычной, раскидистой какой-то формой, стоял совсем близко от воды. Она заметила даже не столько дом, сколько его широкое крыльцо, с которого, казалось, можно сойти прямо в озеро.

– Нам сюда.

Максим указал именно на этот дом. Соня обрадовалась, но почти не удивилась. Было в сегодняшнем дне что-то, наводящее на мысль о неслучайности всего, чем этот день наполнен. Она назвала бы это предопределенностью, если бы мрачноватое слово не противоречило всей этой просвеченной солнцем долине. А дом у озера и вовсе вызывал у нее ощущение, будто она давно собиралась его увидеть. Это ощущение было таким странным, что мелькнуло в сознании и тут же исчезло бесследно.

Ключи лежали под крыльцом, в берестяном лукошке, вместе с баночкой ярко-желтого меда. На крыльце стоял глиняный горшочек с простоквашей. Конечно, это просто имиджевая стратегия фирмы, сдающей дома в аренду, но все равно приятно.

– Знаешь, я все-таки искупаюсь, – сказала Соня, едва войдя в дом.

– Думаешь, вода не холодная? – спросил Максим.

– Ничего.

Она представила, как погружается в озеро. Показалось, оно закипит вокруг ее перегретого в дороге тела.

Вода оказалась совсем не холодной. Пришлось даже проплыть довольно далеко, чтобы взбодриться. На песчаном дне переливались солнечные пятна и видны были раковины-пер-

ловицы. С ощущением бодрости и радости Соня вышла из озера и, завернувшись в большое полотенце, села рядом с Максимом на ступеньки.

Глиняный горшочек до сих пор стоял тут же на крыльце. Соня отпила немного простокваши, вытерла губы ладонью и подумала, как удивительно, что это крыльцо, этот дом, озерный этот берег – совсем случайное место, в которое она нисколько не стремилась. Да, самые неожиданные вещи вдруг приносят радость, она всегда это знала, но каждый раз узнавала заново.

И место это, и сама поездка были инициативой Максима, и Соня посмотрела на него с благодарностью. Он снял туфли и носки, его узкие, с длинными пальцами ступни белели на свежеструганных досках крыльца, и он шурился от того же удовольствия, которое Соне доставило плавание в озере.

– Проголодался? – спросила она.

– Не настолько, чтобы выйти из нирваны.

– Я тоже. – Соня улыбнулась. – Но через пятнадцать минут заставлю себя это сделать.

Свет был прорезан ресницами, и озеро сверкало у нее перед глазами, как бриллиант. Говорить не хотелось, и они сидели на крыльце молча. Потом Соня все-таки ушла в дом, чтобы разобрать привезенную корзину с продуктами. Максим вскоре пришел за ней и предложил перекусить пока чем-нибудь легким, а вечером сделать шашлык.

– Как раз и мясо дойдет, – сказал он. – Я утром замариновал.

– В чем? – спросила Соня.

– В белом вине с минеральной водой. Знаешь такой способ?

Она кивнула. Мясо мариновал в апероле Шаховской. Он тоже считал шашлык мужским делом. Теперь мелкие тайны перестали приносить ей радость, и прошло даже удивление тем, что это так.

Соня быстро нарезала салат из розовых и алых бакинских помидоров с купленными по дороге у обочины маленькими пупырчатými огурцами и остро пахнущими луковыми перьями. После этой еды, в самом деле легкой, Максим уселся в кресло на веранде и принялся просматривать в айфоне свои строительные новости, а Соня прилегла на стоящий рядом плетеный диван и сама не заметила, как уснула. Показалось, что и не уснула даже, а задремала на минутку, но когда открыла глаза от того, что приснился пожар, и вскочила, как вспугнутая птица, – был уже вечер в том его прекрасном начале, от которого всегда веет покоем.

Дым шел от мангала. Максим жарил шашлык. Соня подошла к нему по дорожке, между неровными плитами которой росла трава. Мясо шипело над углями. У нее слюнки потекли от его вида и запаха. Наверное, это было заметно, потому что Максим засмеялся, снял с мангала два шампура, держа их в одной руке, другой обнял Соню за плечи, и так они пошли к веранде, чтобы есть этот распрекрасный шашлык и наслаждаться каждой минутой распрекрасного этого вечера, за которым должна была последовать такая же ночь в спальне на втором этаже, где кровать с покрывалом из пестрых лоскутков была так же хороша, как озеро, и крыльцо из свежеструганных досок, и шашлык, и простокваша в глиняном горшочке, и рука Максима на Сонином плече.

Глава 7

– Я обьяелась, как удав.

– Ты как будто извиняешься, – заметил Максим.

Он лежал на волчьей шкуре и смотрел на правдоподобно извивающееся в камине пламя, а Соня сидела просто на полу, на прогретых этим электрическим пламенем досках.

Она и сама слышала в своем голосе нотки извинения. Они объяснялись просто: после сибаритского ужина ей хотелось только спать, а Максим-то явно ожидал не этого.

– Камин могли бы сделать и настоящий, – сказал он. – Хотя в электрическом есть свои преимущества.

– Какие?

Соня не выдержала и зевнула.

– Можно не тратить время на разжигание огня и прочие посторонние вещи.

– Угу...

Поняв, что голова клонится вниз, она заставила себя подняться на ноги.

– Куда ты? – спросил Максим.

– Воздухом подышу, – ответила Соня.

«Может, для бодрости даже в озеро придется окунуться», – подумала она при этом.

Над озером стояла огромная полная луна. Невозможно было удержаться от соблазна проплыть под нею по золотой озерной дорожке, Соня и не стала удерживаться.

Среди малочисленных своих способностей она знала за собой способность плавать в очень холодной воде. Поэтому ничто не мешало ей получать сейчас удовольствие от того, что она погружается в ночное озеро.

Когда Соня вышла из его агатовой воды на берег, во всем ее теле стучали изнутри мелкие бодрые молоточки. Сон развеялся бесследно. Она протянула руку, чтобы снять с раскидистого куста свой сарафан, повешенный перед купанием на ветку – и вдруг ее руку сжало так, словно вокруг запястья обвилась змея. Какая-то особенная, мускулистая, но разве бывают мускулистые змеи... Соня вскрикнула, тут же почувствовала, что ее рывком втаскивают прямо в куст, и инстинктивно зажмурилась, чтобы ветки не выкололи ей глаза. Она судорожно вдохнула воздух, но закричать не успела: влажная ладонь закрыла ей рот. От того, что это точно была человеческая ладонь, а не тело змеи, ей стало даже как-то полегче, то есть стало бы полегче, если бы тут же не охватил уже другой страх, более рациональный, но от этого не менее сильный.

Соня все-таки закричала – из зажатого рта вырвалось лишь мычание – и укусила эту отвратительную вонючую ладонь. Она думала, человек, обхвативший ее за плечи и зажимающий ей рот, инстинктивно отдернет руку. Но, видимо, ладонь его была настолько грубой, что он ее укуса даже не почувствовал.

– Не ори, – проговорил он хриплым шепотом. – Отдашь деньги и гуляй себе.

– У меня нет денег!

Вместо этих ее слов тоже прозвучало мычание. Но не трудно было догадаться, что она хочет сказать, и грабитель буркнул в ответ:

– В дом пошли. Там отдашь.

Он поволок ее к крыльцу, прижимая к себе. Ей пришлось пятиться, она больно ударилась щиколоткой о ступеньку, попыталась выскользнуть из его рук, показалось, это удастся, ведь она голая и мокрая, но только показалось... Он толкнул дверь плечом и Соню втолкнул в дом перед собою.

«Вот и все!» – мелькнуло в голове, и облегчение охватило ее вместе со стыдом от того, что первое, о чем она подумала, было не то, что теперь и Максиму может угрожать опасность, а то, что наконец он рядом и, значит, не даст ее убить, избить, вообще ничего плохого не даст

сделать с нею. Это даже не знание было, хотя Соня знала, что он занимается кунг-фу, и как-то серьезно занимается, с какими-то поясами, или что там в этом спорте бывает, – а вот именно инстинктивное облегчение.

Она плавала не долго – Максим по-прежнему лежал на ковре перед камином и, подперев кулаками подбородок, смотрел на ровное пламя. Когда стукнула входная дверь, он спросил, не оборачиваясь:

– Ну как, надышалась?

Соня снова попыталась закричать, но грабитель зажал ей рот еще сильнее, и вместо крика снова вышло мычание, теперь совсем глухое.

Наверное, Максим понял, что с ней что-то случилось. Он перекатился с живота на бок, сел – и остолбенел от зрелища, которое ему открылось: голая мокрая Соня в руках у какого-то верзилы, который зажимает ей рот.

– Деньги давай, – повторил грабитель, непонятно к кому обращаясь. Но сразу же уточнил: – А то придушу ее.

И ругнулся так же обрывисто, как произносил все слова вообще.

Максим медленно поднялся с пола. От него до грабителя было метра два, и Соня подумала, что надо как-нибудь отстраниться, чтобы, если Максим ударит того ногой в лицо, не попал бы по ее лицу тоже, хотя и ладно, даже если попадет...

Но отстраняться не пришлось. Максим сделал шаг назад, остановился – и вдруг бросился по лестнице вверх, на второй этаж. Это произошло так стремительно, что Соня вообще не поняла, что произошло.

Грабитель, кажется, не понял тоже. Он застыл, прижимая к себе Соню. От его гнилостного запаха к ее горлу подступила тошнота, и она испугалась, что захлебнется рвотой под его рукой, зажимающей ее рот. И вдруг он отпустил ее – не отпустил даже, а отшвырнул в сторону – и рванулся вперед. Падая, Соня увидела, как он хватается сумочку, которую она не отнесла наверх в спальню вместе со всеми вещами, а оставила на каминной полке рядом с глиняными фигурками сказочных зверей. Сумочка была раскрыта, и красный кошелек с золотистыми застежками-бубенчиками выглядывал из нее прямо-таки призывно.

Наверное, грабитель решил, что до возвращения Максима у него в распоряжении считанные минуты. Схватив сумочку, он промчался мимо сидящей на полу Сони, обдав ее напоследок невыносимым своим запахом, и исчез за дверью. Простучали, затихая, его шаги по ступенькам крыльца.

Все это произошло так быстро, что Соне показалось, будто она и не вставала с пола перед камином, и не купалась в агатовом озере, и... Но не зря мама говорила, что она живет слабыми эмоциями – потрясение ее в самом деле не было сильным, и странность самоощущения тут же исчезла.

«Может, в этом залог моего бесстрашия», – подумала она почти спокойно.

А вслух сказала:

– Он ушел.

Когда Максим спускался по лестнице, шаги его звучали понуро. Хотя так не бывает, конечно. Не бывает понурых шагов.

Он остановился перед Соней. Она видела его босые ступни с длинными пальцами. Потом перед ее глазами появилась его рука.

– Ты можешь встать? – спросил он, наверное, предлагая помочь.

Ей не нужна была помощь.

– Конечно.

Она поднялась с пола, взяла с кресла вязанный крючком плед из разноцветных ниток, накинула на себя. Неприятно было стоять голой. Да и холодно, несмотря на искусственное каминное пламя.

– Он сумку мою забрал, – сказала Соня. – Денег в кошельке мало. Но карточки.

– Надо заблокировать, – сказал Максим. – Позвони в банк.

– Телефон тоже в сумке.

– Позвони с моего. Он... наверху там. Сейчас принесу.

Он снова поднялся по лестнице, вернулся, протянул Соне свой айфон. Пока она звонила, включил кроме камина еще обогреватель, и комната наполнилась теплом.

– У тебя необычное кодовое слово, – сказал Максим, когда, поговорив с банком, она вернула ему айфон. – Что такое флавус?

– Просто цвет. Песчаный. Это на латыни.

– Ты знаешь латынь?

– В университете учила. Что-то помню.

Они замолчали. Молчание повисло между ними, как камень, брошенный кем-то и непонятным образом замерший в воздухе.

– Пойдем спать, – наконец сказала Соня. – У меня глаза сами закрываются. И купание не помогло.

В быстром взгляде Максима промелькнуло, ей показалось, изумление. Но разобраться в нюансах его чувств совсем не хотелось. Соня пошла к лестнице, стараясь не наступить на волочащийся по полу плед.

Глава 8

Где-то она прочитала, будто бы китайцы по кошачьим зрачкам определяют время с точностью до минуты. Как им это удается, Соня не представляла. Она по глазам Бентли не то что время не могла определить, но даже самых обыкновенных его желаний – спать он хочет, есть или что-нибудь еще. Ей казалось, никаких желаний у него нет вообще. Что ж, для совместного существования это удобно или во всяком случае необременительно. Но она испытывала какое-то необъяснимое, а потому раздражающее беспокойство от того, что у нее живет котенок, к которому она не может почувствовать ничего.

Соня рассказала об этом брату, когда он в очередной раз зашел за каким-то инструментом для ремонта. Искала, о чем ему рассказать, и Бентли кстати попался на глаза.

– Значит, не надо ему у тебя жить, – пожал плечами Женька.

– А у кого надо? Я таких людей не знаю.

– Алеся через неделю в Пинск едет. Может туда отвезти.

– А там куда денет?

– Спрошу. – Он посмотрел на Соню чуть внимательнее, чем это требовалось для обсуждения участи котенка, и сказал: – Если у тебя что-то случилось, то лучше бы ты мне об этом сказала.

– И что бы ты сделал? – ответила она и, спохватившись, добавила: – У меня совершенно ничего не случилось.

Глаза у него были как лед, и поэтому казалось, ничего в них не разберешь. Но Соня читала в его глазах как в открытой книге и даже время смогла бы по зрачкам определить, наверное, если бы это вдруг понадобилось.

Она улыбнулась своим глупым мыслям. Это была первая ее улыбка за неделю. Правда, она бывала в эту неделю только на работе, там улыбаться не было повода, а дома, наедине с собой, тем более.

– Уж на Полесье-то пристроим кота, – сказал Женька. – Не грусти.

– Даже если не пристроите, отчего бы мне грустить? – пожал плечами Соня.

– Оттого, что твое безразличие к нему кажется тебе ненормальным. Но это не так.

Он погладил Соню по голове, как маленькую – никогда раньше так не делал! – и пошел к двери.

– Про кота завтра сообщу, – донеслось из прихожей.

«Неужели я выгляжу такой жалкой? Да нет, просто Женька стал мягче. Алеся на него положительно влияет», – решила она.

Было воскресенье, выходные наконец заканчивались. Соня подумала об этом с облегчением. Работа не была ни любимой, ни нелюбимой, но в ней была определенность, и всяко лучше было сидеть в офисе, глядя сквозь дождевые линии на прекрасный Тверской бульвар за окном, чем слоняться по квартире, не зная, чем себя занять, а вернее, не находя в себе желания чем-либо заниматься. В хорошую погоду Соня, наверное, пошла бы гулять, но с первых дней октября дождь лил не переставая, а достаточной романтичности для того, чтобы гулять под дождем, она в себе не находила тоже, да и глупо было бы ее искать.

Она сварила кофе и попробовала читать, сидя за столом в кухне. Но внимание рассеивалось, цеплялось за случайные слова на странице, и мысли от этого приходили тоже случайные или во всяком случае необъяснимые.

Соня вспомнила, как три месяца назад Женя вернулся из Африки в Москву. Алеси даже на горизонте у него еще не было.

– Я не помешаю, если у тебя поживу? – спросил он тогда. – Загранпаспорт менять пора. И визы новые придется делать. Недели три займет примерно. Может, месяц.

– Во-первых, это такая же твоя квартира, как и моя, – улыбнулась Соня. – Во-вторых, помешать мне ты не можешь, потому что этого не может быть никогда. А в-третьих, у меня отпуск и я в Юрмалу еду, так что и сама тебе не помешаю.

– С Максом едешь?

Женька тоже чуть заметно улыбнулся ее словам о том, что не может ей помешать никогда. Связь между ними была неразрывной, но все равно им обоим почему-то доставляло радость каждое тому подтверждение.

– Одна, – ответила Соня. – Максим в командировке.

– Ты чувствуешь себя с ним защищенной? – спросил Женька.

– При чем тут защищенность? – удивилась она. И добавила: – Между прочим, еще бабушка говорила, что профессия должна меня кормить, и тогда я не вынуждена буду связываться с мужчиной программу своего жизнеобеспечения.

Бабушка говорила не совсем это, но неважно.

– Это разные вещи, – пожал плечами брат. – Все равно что зеленое и холодное. Твой заработок вообще не имеет значения. Да и его тоже.

– А что же имеет значение?

– Его готовность тебя защищать.

Она засмеялась:

– Ты говоришь, как средневековый человек!

Он улыбнулся тоже:

– В этом смысле со временем ничего не меняется.

Тот разговор всплывал и всплывал сейчас в Сониной памяти.

Тогда она решила, что Женька сказал все это из-за появившейся у него в африканских поездках привычки к опасности. А поскольку у нее такой привычки не было и быть не могло, то и мыслей таких не могло быть тоже. Но теперь она понимала, что дело было совсем не в Африке – не в крокодилах, львах или эпидемиях.

Он сказал о том, что считает главным. Он не знает, зачем людям быть вместе, если этого нет.

Но ведь ей ничто и никогда не угрожало! Чем ей было поверять свои отношения с Максимом? Она не понимала.

Как не сразу поняла и что вообще произошло. Поднимаясь той ночью на второй этаж приозерного дома, она в самом деле чувствовала только усталость и желание поскорее лечь в постель. Если сонливость считать желанием. Но лечь сразу же не смогла. В ее заторможенном сознании было физиологически ясным лишь омерзение от того, что чужие руки прикасались к ее телу.

Она встала под душ, не подумав, что вода еще не нагрелась. Холодные струи развеяли апатию, имевшую, как Соня поняла сразу же прояснившимся разумом, не физическое происхождение. И тут же она увидела все произошедшее Максовыми глазами: распахивается дверь, на пороге неизвестный громила, его согнутая рука у Сони на горле, ладонь зажимает ей рот, она голая, со спутанными волосами...

Как он мог убежать, увидев такое?! Это было так же непредставимо, как если бы он взял за хвост живую змею и спокойно сжевал.

Соня терлась мочалкой с таким остервенением, словно не грязь невидимую хотела смыть, а ярость из себя выдрать.

Душ был рядом со спальней, но, выйдя из него, она опять спустилась вниз, в комнату с камином, и легла на диван. Не могла заставить себя зайти в спальню за своими вещами и легла голая, накрывшись все тем же вязаным пледом и оставив включенным ночник. Пока не сморил сон, пестрели перед глазами яркие нитки, и непонятно было, зачем она смотрит на них, но эта пестрядь по крайней мере отвлекала от тягостных, ни к чему не ведущих мыслей.

И точно так же ни к чему не вели те мысли, что мелькали в ее голове сейчас, когда неделю спустя она сидела дождливым воскресным вечером за столом в своей кухне в Большом Козинском переулке.

Звонок разорвал тишину. Соня вздрогнула. Домашним телефоном она не пользовалась так давно, что сначала подумала, это он звонит, и только потом догадалась, что звонят в дверь. В дверь ей давным-давно не звонили тоже, только снизу в домофон.

Она открыла машинально, лишь мельком успев подумать, что надо все-таки спросить, кто это, но замок уже щелкнул под ее рукой, да и кто это может быть, у Женьки свой ключ, значит, кто-то из соседей...

Соня так мало ожидала увидеть на пороге Максима, что невольно отшатнулась и даже ахнула, кажется. Но тут же сделала полшага вперед снова: стыдно стало этого своего движения и глупого возгласа.

– Извини, – сказал Максим. – Я не мог заставить себя позвонить тебе. Да так и лучше, думаю. Поговорить в реале.

Капли дождя блестели на его волосах. Тревога была в этом блеске. И тревога слышалась в его голосе.

– Как же ты вошел в подъезд?

Уже произнеся это, она поняла глупость своего вопроса. Какая разница, как вошел? Уж наверное не дверь вышиб.

– С соседями.

Так же глупо было бы держать его на пороге.

– Проходи, – сказала она.

Соня пошла в гостиную. Она слышала, что Максим идет за ней.

– Я понимаю, что вел себя как последняя сволочь.

Она обернулась. Глаза его блестели так же тревожно, как дождевые капли на волосах.

– Но я... растерялся, понимаешь? Не ожидал, что могу растеряться в такой ситуации. Точнее, просто не ожидал такой ситуации.

– Почему не ожидал ситуации? – Соня пожала плечами. – Всякое может случиться.

– У меня был с собой травмат. То есть должен был быть. Мне казалось, что я положил его в чемодан. Но оказалось, что нет. Я за ним побежал наверх, потому что... он так тебя держал... Я не представлял, как тебе помочь! – воскликнул Максим.

В этом возгласе было такое сильное волнение, какого Соня не замечала в нем ни разу за все время, что они были вместе. На мгновение ей стало даже жаль, что сама она ничего подобного сейчас не чувствует.

– Ты, наверное, подумала, что я мог бы его ударить, потому что кунг-фу занимаюсь, – сказал он.

– Я ничего такого не подумала, – ответила она.

И тут же поняла, что обманывает его – именно так и подумала. Ей стало стыдно за свой машинальный обман.

– Хочешь кофе? – спросила она.

– Не хочу. Но выпью, если нальешь.

Может, он не кофе сейчас хотел бы, а водки. Но водки у Сони не было. Не ставить же на стол недопитую бутылку испанского вина. Оно располагает к неспешному разговору, который совсем не нужен. Ей – не нужен.

Словно мысленная ворсинка, свербящая и раздражающая, шевельнулась у нее в голове, как только она подумала, что ей не нужен разговор с Максимом. Как странно ее спокойствие сейчас!

Перешли в кухню. Соня вставила в кофеварку новую капсулу. Точно такая же кофеварка была и в его квартире, поэтому она знала, что он любит крепкий колумбийский кофе.

– Кунг-фу совсем не так эффективно, как кажется, – сказал Максим.

– Да?

Соня поставила перед ним узкую фарфоровую чашечку с супрематическим рисунком.

– Это скорее своего рода йога, чем способ самообороны. Как и всё, чем мы занимаемся.

Она хотела спросить, кто эти «мы», но неожиданно сказала:

– Говорят, эффективна борьба Голицына.

– Не знаю такую.

– Да и я не знаю. Слышала когда-то. Случайно и давно.

В тягостном молчании та мысленная ворсинка раздражала Сонино сознание все больше, все резче. Ей показалось, это свербящее напряжение вот-вот разрешится, но чем же оно может...

Из комнаты донесся такой грохот, будто обрушилась стена. Соня вздрогнула, вскочила и выбежала из кухни.

Стена, конечно, была цела, но висевший над окном карниз с нее сорвался. Упавшие шторы смахнули на пол все, что стояло на консоли. Шкатулка с украшениями упала тоже, и сережки-колечки раскатились по ковру.

Прежде чем Соня сообразила, как это могло случиться, шторы зашевелились и из-под них вылез Бентли. Как ни в чем не бывало он прошел через всю комнату к своей корзинке из-под цветов, забрался в нее, свернулся клубочком и уснул.

Странно, что она не сразу поняла, от чего мог быть грохот. А может и не странно, котенок ведь до сих пор остается в слепом пятне ее жизни, поэтому...

И тут яркая, как молния, догадка осветила ее сознание. Вспыхнула та странная ворсинка, запыхал огонь – разрешение, обжигающее и высвобождающее, оказалось таким сильным, что его можно было бы считать даже радостным.

– Максим! – Соня услышала, что он вошел в гостиную вслед за нею, и обернулась к нему так резко, что чуть не упала. – Это я должна перед тобой извиняться.

– В каком смысле?

Недоумение в его глазах сменилось изумлением.

– В прямом. – Причина собственного спокойствия уже была Соне ясна, и ни малейшего изумления она не испытывала. – Я почему-то была уверена, что ты должен быть готов защищать меня. Без размышлений и любой ценой.

– Но я действительно...

– Я не имела никакого права от тебя этого требовать. – Соня посмотрела ему в глаза так прямо, как не смотрела никогда. – Я тебя не люблю. И даже хуже того, я и была-то с тобой только потому, что тебя не люблю. Не хотела никого любить вообще, не хотела привязываться, и ты для этого очень подходил. Мне так казалось. А на самом деле это не так. Наверное, не так. Не знаю! Но я точно не должна была ожидать от тебя самоотверженности, раз сама... В общем, прости меня, если можешь. Хорошо, что так вышло. Если бы не тот грабитель, я этого не поняла бы. Не решилась бы себе в этом признаться. Хорошо, что так вышло, – повторила она.

Максим молчал. Соне показалось, он тоже чувствует облегчение. Или просто ей хочется так думать?

Но это было уже не важно. Максим вышел из комнаты. Щелкнул замок входной двери.

«Правда хорошо, что так вышло, – со спокойствием, которое теперь было ей понятно, подумала Соня. – Он хотя бы не заплатил ни жизнью, ни здоровьем за мое равнодушие к нему. А занимался бы не кунг-фу, а какой-нибудь борьбой Голицына, и был бы в себе уверен, и не испугался бы, и неизвестно, чем бы кончилось».

Борьба Голицына всплыла в ее памяти совсем некстати. Или наоборот, кстати? Может быть, именно эта давно канувшая в прошлое подробность и подожгла наконец ту мысленную ворсинку, которая, вспыхнув, позволила ей увидеть свою жизнь во всей беспощадной ясности.

«У вас княжеская фамилия», – сказала она тогда. А Шаховской усмехнулся и ответил, что такие маркеры давно не имеют отношения к действительности, что все это кончилось еще когда князь Голицын взялся обучать чекистов приемам своей борьбы, что он обычный еврейский мальчик из хорошей московской семьи и закончил не Пажеский корпус, а пятьдесят седьмую школу.

Глава 9

– Конечно, мне было интересно, – сказала Соня.

– Совсем не конечно, – ответил он.

– Почему? – Она даже обиделась немножко. – Я выгляжу такой глупой?

– Вы совсем не выглядите глупой. Но при взгляде на вас кажется, вы знаете что-то большее, чем внешняя сторона жизни. Мне, во всяком случае, так казалось все два часа, что я на вас смотрел.

Он действительно смотрел на Соню все время, пока шла запись передачи. Заметив это – трудно было не заметить! – она сначала удивилась, потом смутилась, потом обрадовалась. А потом перестало иметь значение и первое, и второе, и третье – она только слушала его, и это занимало все ее внимание.

– Неосознание страной преступлений собственного прошлого уродует настоящее этой страны и лишает ее будущего. Это понимают все-таки многие. Но что именно следует осознать и, главное, что с этим осознанием делать дальше? А вот это остается неясным для большинства даже тех людей, которые не сомневаются в преступлениях тоталитаризма и искренне хотят их изжить. Что людям делать с таким мучительным осознанием? – повторил он. – Продолжать жить, как будто ничего не произошло? Но тогда зачем осознавать, чего ради мучить себя – из пустого мазохизма?

Это оказалось так неожиданно! Серьезное, важное, что он говорил. Смысл его слов. Его интонации. Тембр его голоса. Блеск его глаз.

Недоужинность – это слово, не самое употребительное, при взгляде на него пришло Соне в голову само собою.

Когда рассаживали зрителей, ее перевели из последнего ряда, куда она села сама, в первый. А когда попыталась возразить, что она ведь не эксперт, и мнение свое высказывать не будет, и вопросы задавать не собирается, администратор сказал:

– Вам и не надо ничего высказывать. Вы – прекрасная деталь. – И объяснил: – Толстой о Чехове так говорил: у него каждая деталь или прекрасна, или нужна. Вы – первое. Ну и второе, значит.

«Ничего себе у них здесь сотрудники!» – подумала Соня.

Как ни много она читала, как ни любила и Толстого, и Чехова, но такую цитату слышала впервые. А в этой «Культурной революции» ее знает обычный администратор, получается.

Соня обрадовалась, что пришла. Хотя по дороге сюда, на Пречистенку в Музей Пушкина, где снимали передачу, досадовала, что ее бывший университетский преподаватель, которого она встретила вчера в Театре на Малой Бронной, всучил ей приглашение, сказав, что одним из главных героев – «креслом», как их называют в студии, – будет его жена. Сразу неловко было отказаться, а потом неловко не прийти, раз уж пообещала.

Соня, конечно, сто раз видела эту передачу. Она шла на канале «Культура» много лет, еще бабушка называла ее чистым островком в мутной телевизионной воде, добавляя, что по крайней мере видишь умных людей и знаешь их мнения о чем-то существенном. В общем, неплохо, что здесь оказалась, хоть и пришлось из-за этого пропустить день рождения однокурсницы.

Впечатление укрепилось, когда гостей впустили в зал. Соня сразу узнала праздничное предчувствие, которое всегда охватывало ее в Консерватории или в Большом театре и вдруг охватило здесь, хотя ничего похожего на те залы в этом зале не было.

Запись шла в просторном атриуме музея. Интересно было смотреть, как раскачиваются за стеклянной стеной разноцветные аэромэны, вот ведущий вошел, поднялись на невысокий помост и уселись в кресла два главных участника... Первой из них была жена Сониного пре-

подавателя, фамилию второго Соня не расслышала, но ей сразу бросилась в глаза его внешность. Бабушка называла таких мужчин beau ténébreux – сумрачный красавец. До сих пор Соня думала, что это определение может относиться только к герою какого-нибудь старинного французского романа, и вдруг человек именно с такой внешностью сидит в нескольких метрах от нее и говорит не старинные, а такие острые, такие современные вещи, что его можно слушать бесконечно.

Она и слушала так внимательно, что даже не поняла, когда запись передачи закончилась. Таким сильным было впечатление от его слов, такие новые для нее, ошеломляющие мысли ими порождались.

С гудящей от мыслей головой Соня спустилась из стеклянного атриума вниз, в вестибюль с фонтаном, возле которого уже собирались участники и зрители следующей программы. Она пошла в гардероб, но из-за того, что плохо ориентировалась в незнакомых помещениях, тем более в таких, как этот музей со множеством переходов и коридоров, – заблудилась и вместо гардероба оказалась в кафе. Дым здесь стоял стеной, причем буквально: воздух был от него сизым, курили за каждым столиком. Людей было много, и все такие известные, что Соня даже растерялась, потому что не ожидала оказаться рядом с такими людьми в столь непринужденной обстановке: все друг с другом знакомы, здороваются, смеются, о чем-то вдохновенно беседуют.

Она уже собиралась спросить, как найти гардероб, у дамы в эффектном пиджаке, сшитом на манер лоскутного одеяла. Внешность этой дамы была ей смутно знакома, но по крайней мере это была не Ирина Хакамада, которая сидела за одним из столиков, и не режиссер Кончаловский, сидевший за другим.

– А я-то не понимаю, куда вы исчезли, – вдруг услышала Соня. – Прямо в воздухе растаяли.

Обернувшись, она увидела человека, которого неотрывно слушала полчаса назад, и растерялась еще больше, потому что так и не узнала ни фамилии его, ни отчества. Не обращаться же к нему по имени, как это во время записи программы делал ведущий – судя по всему, давний его приятель.

– Я не растаяла, – сказала она. – Я просто не могу найти гардероб. – И зачем-то объяснила: – Мне надо плащ забрать и зонтик.

– Вы торопитесь? – не обратив внимания на глупость ее объяснения, спросил он.

– Нет, – ответила Соня.

Даже если бы и торопилась, то отложила бы все дела. Она удивилась, поняв это, но тут же и про удивление свое забыла тоже.

– Может быть, посидим здесь немного? – предложил он.

– Спасибо, с удовольствием.

Соня наконец пришла в себя. Вернее, стала собой – не дурочкой из переулочка, растерявшейся от того, что оказалась среди известных людей, а обычной московской студенткой, то есть вчерашней студенткой, конечно, она все никак не могла привыкнуть, что студенческие ее годы позади...

– Чему вы улыбаетесь? – спросил он.

– Разве улыбаюсь? – удивилась она.

– Да, хотя почти незаметно. Вы улыбаетесь своим мыслям. Это завораживает.

Соня не поверила бы, что может кого-то завораживать. Но он не был похож на лживого человека. Даже иронии не было в его взгляде, а только ум и интерес к ней.

Сели за освободившийся столик, он спросил, как ее зовут, что для нее взять, она ответила, что все равно, да, можно кофе, нет, пирожное не надо и коньяк не надо тоже, он принес ей кофе, а себе коньяк на дне бокала, сел напротив нее, спросил, было ли ей интересно, а потом как раз и сказал, что при взгляде на нее кажется, будто она знает нечто большее, чем внешняя сторона жизни, и эти его слова смутили и обрадовали ее так же, как все, что он говорил в этот

вечер, не ей специально говорил, а миллионам людей, которые потом увидят его по телевизору, но все-таки и ей тоже, потому что на нее он смотрел все время.

– Я не знаю больше того, что вы говорили сегодня, – сказала Соня. – Вернее, я об этом даже не задумывалась.

– Странно.

– Почему?

– Потому что вы производите впечатление человека такого... задумчивого. Загадочно задумчивого, я бы сказал.

– Не знаю. – Его слова смущали ее и тревожили, но она постаралась не обращать на это внимания. – Я просто не считала существенным... Вот это осознание произошедшего с нами в двадцатом веке, о котором вы говорили. А теперь даже не понимаю, как могла не считать.

– Ну, это как раз понятно. Вы родились с сознанием, что если не защищаешь свою или чужую жизнь, то людей убивать нельзя. В вас по умолчанию встроено, что убийство – зло абсолютное. Для вас в этом нет предмета обсуждения. Но ведь это для вас. А для миллионов наших соотечественников, да что там, для десятков миллионов, это не предмет обсуждения совсем в другом смысле. Они уверены, что людей убивать можно. Для них это вопрос целесообразности, и не более того. А то и вовсе не вопрос. Можно, потому что я могу. Можно, потому что я хочу.

– Вы не правы! – Соня даже задохнулась от волнения. – Это совсем не так. Этого просто быть не может! Чтобы обычные люди, не преступники так думали...

Он молчал. Его взгляд был прям, но непонятно было, что таится в сумеречной дымке его глаз.

– Мне хотелось бы жить в вашем мире, – сказал он. – Не думайте, что я хочу вас обидеть. Наоборот, для меня было бы большим счастьем так смотреть на жизнь. Вы студентка?

Он сменил тему, и Соня обрадовалась этому.

– Чуть не ответила «да», – сказала она. – Не могу привыкнуть, что уже нет.

– В этом году закончили?

– Да. Историко-архивный.

– В РГГУ? На Никольской?

Она кивнула.

– Я хотела на филфак МГУ, но не поступила. Год работала в РГАЛИ. В Архиве литературы и искусства. – Соня запоздало сообразила, что он, конечно, знает, что такое РГАЛИ. – И мне понравилось. И я поступила в следующем году на историко-архивный. И вот закончила. Потому и странно, что все это как-то вне моего сознания было... То, о чем вы сегодня говорили. Правда, я на архивоведении училась, не на историческом. Но все равно это очень странно.

Она в самом деле удивлялась этому теперь. Как могло быть, что страшное преступление, заполнившее целый век огромной страны, разлившееся из нее по всему миру, – как могло быть, что, будучи ей известным, конечно, известным, это оставалось совершенно вне ее мыслей?..

– Просто вам казалось, что это кончено навсегда.

Да! Он объяснил одной фразой. Но слово «казалось» удивило Соню.

– А разве не так? – спросила она. – Разве не кончено?

Она всматривалась в его глаза, но ясности в них не было.

– Конечно, нет, – ответил он. – Обществом это не осмыслено и не осуждено. А значит, вернется в любую минуту.

Его слова ошеломили ее. Что – вернется? Попытки, расстрелы?! Она вспомнила, как еще в школе учитель истории возил их на Бутовский полигон и каким потрясением для нее было, что в день здесь убивали по несколько тысяч ни в чем не повинных людей, и один из этих людей был мальчик тринадцати лет, точно такой, как она, его звали Миша Шамонин, и это было не в войну, а в самое обычное мирное время, в самой обычной Москве, когда в театрах

шли спектакли и детей водили в зоопарк... Но это ведь история, давняя история, это прожито, и невозможно представить, чтобы это не то что повторилось, но даже названо было как-то иначе, чем страшным преступлением!

– Борь, познакомь со своей юной спутницей, – услышала Соня. – Можно к вам присоседиться? Виноградом угощу.

Подняв глаза, она увидела стоящего возле их стола человека довольно потасканной внешности, с большими, как будто надутыми губами и светлыми кудрями. В одной руке он держал бокал вина, а в другой блюдце с виноградом. Одновременно со своим вопросом и не ожидая ответа, он придвинул ногой стул от соседнего столика, уселся рядом с Соней и представился:

– Михаил.

Соне пришлось назваться тоже и сразу же начать слушать его рассказ о том, как он был «креслом» в только что закончившейся записи, и как его пытался ушутить собеседник, но он срезал его неоспоримым аргументом о том, что рыночные отношения – это вчерашний день экономики.

– Чтобы эффективно противостоять Западу, нужна принципиально иная политика финансового регулятора, – рассказывал он. – И вот я говорю: вы уверены, что Центробанк способен ее вести?

– А ты уверен, что Западу надо именно противостоять? – поинтересовался Борис.

– Ты, конечно, предпочел бы, чтобы мы под него легли.

– Есть и другие варианты поведения, – пожал плечами Борис.

– Нет других вариантов! Исторически нет. Мы вообще, я тебе скажу, недооцениваем историческую парадигму в выстраивании национальной экономической модели. Отбросили социализм, лучшее, что у нас было, а что получили взамен?

Задавая этот вопрос, Михаил сделал эффектный жест правой рукой. От него так веяло самодовольством, что становилось скучно еще до того, как он открывал рот. Одно хорошо: такого рода речи легко переходили у Сони в фоновый режим. Под его самозабвенный монолог про национальную экономическую модель она потихоньку разглядывала людей за соседним столиком. Вернее, не всех людей, а только ту даму в пиджаке, похожем на лоскутное одеяло, которая сразу обратила на себя ее внимание. То есть не саму даму она разглядывала, а как раз ее пиджак. Соня поняла наконец, что именно он, а не внешность его хозяйки, показался ей знакомым. Точно такой пиджак был когда-то у бабушки, ей сшила его Тамара Санчес, которая, бабушка говорила, была очень известна в московской театральной и богемной среде. С тех пор прошло, наверное, лет пятьдесят, а пиджак, надо же, у кого-то сохранился и до сих пор выглядит так же богемно.

Отвлечшись от пиджака, Соня услышала, что Михаил все еще рассказывает о национальных стратегиях.

– Не буду вам мешать, – сказала она, вставая.

– Вы совсем не мешаете! – воскликнул Михаил. – Оставайтесь, Соня. Или, может, куда-нибудь перейдем? В ресторан, а? В благословенные советские времена это называлось выпивать с пересадками. Тогда я вас в Домжур пригласил бы или в Дом литераторов. В ресторан ВТО тоже можно было бы, а сейчас...

– Спасибо, – сказала Соня. – Но я спешу, к сожалению.

Борис догнал ее, когда она шла по Пречистенке. Передачу записывали поздним вечером – администратор объяснил, что это необходимо для правильного света в стеклянном атриуме, – и теперь было уже совсем темно. Шел дождь, мокрые деревья на бульваре, мокрый асфальт, витрины – все блестело в уличных огнях таинственно и радостно.

Борис с Соней стояли посреди бульвара, и раскрытые зонтики держали их в отдалении друг от друга.

– Извините, что задерживаю вас, – сказал он.

– Вы меня совсем не задерживаете, – возразила она.

– Вы же сказали, что торопитесь.

– Меня тяготило общество Михаила, и я солгала.

– Это ложь во спасение.

– Чье?

– Ваше. Мишка мой одноклассник. От получаса общения с ним голова потом весь день болит. Трудно выдержать столько человеческой глупости на единицу времени. Да и незачем выдерживать.

– Он ведь экономист? – спросила Соня.

– Очень условно. При Сталине был порядок и прочее в этом духе. Социализм, вторая попытка. На этот раз надеется пристроиться поближе к корыту, в прошлый раз по молодости не успел.

– Зачем же его приглашают на эту передачу? – удивилась Соня.

– Плюрализм мнений, – усмехнулся Борис. – Они, когда придут к власти, нас никуда приглашать не будут. Это еще в лучшем случае.

– Вы какие-то ужасные вещи говорите. – Она поежилась. – Никуда не пустят, расстреливать будут...

– Но догнал я вас не для этого. – Свет фонарей тонул в сумраке его глаз. – Вы ведь еще не устроились на работу?

– Я собиралась, – словно извиняясь, объяснила Соня. – Думала в РГАЛИ пойти. Может, они меня помнят и возьмут. Но однокурсница сразу после диплома пригласила всю нашу группу в гости, она в Юрмале живет, потом еще какие-то летние дела... В общем, еще не устроилась.

– Тогда, может быть, пойдете ко мне?

– К вам – это куда?

– В издательский дом.

– А в какой? – спросила Соня. И наконец призналась: – Я ведь ни отчества вашего не расслышала, ни фамилии. Извините.

– По отчеству не обязательно. Борис Шаховской.

– Красивая фамилия.

Необъяснимое смущение, заставляющее говорить одни сплошные неловкости, охватило ее снова.

– Обыкновенная.

– Разве обыкновенная? Аристократическая.

Внешность у него точно была аристократическая: высокий лоб, узкая переносица, а главное, ум в глазах.

– Такие маркеры давно не имеют отношения к действительности, – усмехнулся Шаховской. – Все это кончилось еще когда князь Голицын взялся обучать чекистов семейному секрету голицынской борьбы. Я обычный московский мальчик из хорошей еврейской семьи и окончил не Пажеский корпус, а пятьдесят седьмую школу. Если захотите у меня работать, звоните.

Он достал из кармана бумажник, из него визитную карточку, протянул Соне, она машинально взяла.

Кивнув на прощание, Шаховской пошел через бульвар к метро. Соня прочитала на карточке: «Издательский дом Шаховского. Шаховской Борис Семенович. Генеральный директор».

Глава 10

Алеся предупредила, что зайдет совсем рано, сразу после ночной смены, и буквально на минутку, так что Соня может прямо на пороге отдать ей котенка и ложиться спать снова.

Спать Соня, конечно, не собиралась, тем более что до работы ей оставалось всего два часа.

– Позавтракаем, и я такси тебе вызову, – сказала она, открыв Алесе дверь. И, предвидя ее возражения, заранее возразила сама: – Как ты в метро собираешься ехать? Бенгли в переноске, лоток, еще миски для еды.

– Я только переноску возьму. – Алеся раскрыла мокрый зонтик, поставила на пол в прихожей. – Все остальное в Багнички не повезу же. Лоток там ни к чему, а миски найдутся.

Бенгли обнюхал зонтик и принялся слизывать с него дождевые капли.

– Стыдно, что я его отдаю, – сказала Соня.

Она даже себе самой не решалась в этом признаться. Но с Алесей легко было говорить обо всем, Соня сразу почувствовала. И поняла, что это же сразу почувствовал Женя.

– Чего стыдиться? – пожала плечами Алеся. – Не на улицу же выбрасываешь. Стыдно притворяться, что любишь, когда на самом деле нет.

Честная ясность ее мира еще больше облегчала общение.

– Твои родители точно не против? – спросила Соня.

– А что им? Как только Сережку у них заберу, они из Пинска в Багнички переберутся, давно хотели. А в деревне же это просто. Живет себе кот, мышей ловит. Но кормить его они будут, не беспокойся.

– В том-то и дело, что не беспокоюсь, – вздохнула Соня. – Ты омлет ешь? Кофе будешь или чай?

Французский омлет эрболада был одним из немногих блюд, которые она умела готовить.

– Красиво ты его делаешь, – сказала Алеся, глядя, как Соня перемешивает в миске взбитые в пену белки с нарезанными травами – петрушкой, базиликом, мятой – и посыпает тертым пармезаном.

– В Париже научилась.

– Ого!

– То есть не научилась, а просто видела. Сидела в летнем кафе в Люксембургском саду и смотрела, как повар делает омлет. Потом оказалось, он его делал по средневековому рецепту.

Это был тяжелый и тягостный день. Ни аллей Люксембургского сада она тогда не замечала, ни людей, проходящих мимо нее и сменяющих друг друга за столиками. Взгляд как остановился на поваре, стоящем у плиты в центре кафе и ловко нарезающем целые горы трав, так и не мог с него сойти. Что ж, хотя бы средневековый французский омлет научилась в тот день готовить.

Соня воспользовалась Алесиным присутствием и для того, чтобы сварить кофе, который бабушка Лиза называла «по-лейпцигски». Для себя одной она его варить поленилась бы, а Женя не понимал, как можно варить кофе на взбитом с ликером яичном желтке. Ему эти продукты казались несочетаемыми.

– Вкусно, – сказала Алеся, попробовав кофе. – И чашка красивая какая.

– Из нее Женя пьет, с детства еще. Ее бабушка из Германии привезла.

«Повезло Женьке», – подумала Соня, заметив, как Алеся посмотрела на его чашку.

Эта миниатюрная кофейная чашечка с нарисованными на дне синими мечами была единственным трофеем, который бабушка Лиза привезла с войны вместе с рецептом кофе по-лейпцигски. Когда, выйдя на пенсию, родители продали квартиру в Подсосенском переулке и

уехали на Алтай, а Соня перебралась в эту, оставшуюся после бабушкиной смерти ей и Жене, то взяла чашку с собой.

– У тебя много необычных вещей, – сказала Алеся, разглядывая чашку.

– Как раз нет. У родителей был довольно спартанский дом. Они инженеры, вечно в командировки ездили. А бабушка в войну, мне кажется, очень ясно поняла, что действительно не имеет смысла собирать сокровища на земле, и не собирала. Так что кроме этой чашки и песчаной розы ничего особенного у нас нет.

– А что такое песчаная роза?

– Да просто кварц. Из Сахары. Дожди проникают сквозь песок, меняют его структуру, получаются кристаллы. Некоторые в форме роз. Может, мой прадед по отцовской линии был какой-нибудь исследователь пустынь. Хотя вообще-то эти песчаные розы обычным туристам продают, я сама видела в Тунисе.

– А почему ты сказала «может быть»? – спросила Алеся. – Не знаешь, кто был прадед? Ты не думай, – добавила она, – у меня тоже так. Мама, например, считает, что я на свою прабабушку похожа, а я про нее только и знаю, что ее звали Вероника и что она медсестра была, как я. То есть я, как она.

– И я о бабушкиных предках ничего не знаю, – кивнула Соня. – Но она детдомовская была, так что это хотя бы понятно. А вот почему про отца ее ребенка, нашего деда то есть, практически ничего не известно, это трудно объяснить. Он на фронте в восемнадцать лет погиб. Хорошо, что ребенок вообще получился.

– Получился? А были с этим сложности?

– Никаких, даже наоборот, залетела в одну-единственную ночь. Я, знаешь, романтичная девочка была, дура, проще говоря, и мне казалось, что это была любовь с первого взгляда во фронтовом госпитале. А бабушка говорила, что не только влюбиться не успела, но даже лицо его толком разглядеть. Сильная усталость у нее была от войны, отчаяние накатило, показалось, что убьют, а страшно же в самом конце войны умирать. Хотя, правда, и в начале страшно... А тут мальчик свой, московский, только что призвали. Ранение у него было легкое, утром опять на передовую. Сидели всю ночь, вспоминали каток на Чистых прудах и всякое такое. – Соня улыбнулась. – Бабушка мне потом говорила: ну как было ему не дать, когда видно, что очень хочет, и трепетный такой.

– А потом?

– С тобой правда легко! – засмеялась Соня. – Я потому и разболталась. Да понятно, что потом. Через пару месяцев выяснилось, что беременная. Думала, задержка просто, в войну постоянно бывало. Но нет. А мальчика убили уже. Это в Берлине было, передовая за углом, так что она сразу узнала. Война кончилась, она демобилизовалась и в Москву вернулась. И решила на всякий случай зайти к его родителям. Не то чтобы претендовала на что-то, но считала, надо им сообщить про беременность, раз их сын погиб.

– И что они?

– А она их не застала. Отец его, наверное, тоже на фронте был, но живой ли, никто не знал. Про мать вообще ни слуху, ни духу. Да и интереса ни у кого не было, соседи – случайные люди. В квартиру в Подсосенском две семьи подселили, это в Москве сплошь и рядом случилось в войну. Коммуналки очень долго потом не расселяли. А тогда за хозяевами одну комнату оставили, вещи туда снесли, да и забыли про них. Но соседям, бабушка говорила, как-то неловко стало, что ли. Стоит на пороге беременная – в шинели, с фронта, одна. Правду говорит или врет, разбираться не стали – пустили ее в ту комнату, и стала жить. И папу моего там родила, и даже на фамилию Артынов записала. Тогда ведь многие не регистрировали брак. А у нее письмо было. Видимо, дед мой действительно трепетный был, ей не показалось. Написал перед боем, что хотя ее это ни к чему не обязывает, но он считает ее своей женой, а когда война

закончится, они решат, как им строить свою жизнь дальше. В сорок пятом году этого и для загса, и для домоуправления оказалось достаточно.

– Какая история...

Соня видела, что Алеся еле перевела дыхание.

– На самом деле для того времени обычная. Хотя меня она тоже потрясла когда-то. Пойдем, песчаную розу покажу.

В комнате Соня открыла стоящую на консоли шкатулку из черного эбенового дерева. В детстве сама эта шкатулка казалась ей таинственной, особенно когда она прочитала «Пятнадцатилетнего капитана» с его злодеем Негоро и африканскими приключениями.

– Ох ты боже, красота какая! – выдохнула Алеся.

Песчаная роза была размером с дореволюционную пятикопеечную монету и состояла из множества полупрозрачных кристаллических лепестков, один из которых словно ветром был отвернут. Она в самом деле была хороша, тем более в ковном колье из тусклого, с желтинкой серебра.

– Надень, – попросила Алеся. – Тебе к глазам так идет! И волосы у тебя точно такого цвета, как эта роза.

– Да, нам преподаватель латыни говорил: «А флаvus – это такой, знаете, невыразительный песчаный цвет. Вот как волосы и глаза у Сони Артыновой».

– Бестактный какой!

– Просто честный.

– Как только соседи тогда не прибрали? – разглядывая колье на Сониной шее, заметила Алеся. – Видно же, что вещь дорогая, ручной работы.

– Работа, кстати, кустарная, довольно грубая. И серебро с примесью меди, потому такой цвет у него странный. Хотя в этом есть своя первобытная прелесть. А не прибрали потому, что комната опечатана была. Бабушке соседка сказала: только печать ты срываешь уж сама, тебя начальство побоится тронуть, у тебя смерть еще из глаз не выветрилась.

– Это кто на фотографии? – спросила Алеся.

Фотография в темной деревянной рамке стояла здесь же на консоли. Что она сделана много лет назад, было понятно не только по фотографической технике, но, Соня считала, по типу лица, на ней запечатленного.

– Думаю, это прадед наш с Женькой и есть, – ответила она. – Там подпись на обороте – Артынов Сергей Васильевич.

– И без подписи понятно, что родственник. Женя – вылитый он. Даже страшновато.

– Почему?

– Так ведь никто его не видел никогда. А он вот где... В живом человеке, через сто лет. Пугают такие бездны.

Соня, как часто бывает у двойняшек, совсем не была похожа на брата. Но она и ни на кого не была похожа, а Женино сходство с прадедом в самом деле было разительным. Особенно взгляд совпадал. Когда бабушка сердилась на маленького Женьку, то, в сердцах указывая на фотографию, говорила, что этот небось тоже никакого черта не боялся.

– Твоя бабушка замуж потом не выходила? – спросила Алеся.

– Вот и ты уже романтическую историю домыслила, – улыбнулась Соня. – Она своего фронтowego партнера нисколько не любила. И замуж после войны вышла, почему же нет. По любви и удачно. Это квартира ее мужа.

– Я пойду. – Алеся взглянула на часы над консолью. – Поезд у меня вечером, но мы с Женей еще хотим в Икею съездить, письменный стол купить.

– Ты Сережу сейчас привезешь? – спросила Соня.

– Женя сказал, незачем откладывать, раз мы решили его забрать.

Соня вспомнила, как на ее вопрос, поедет он снова в Африку или останется работать в Москве, брат не ответил, и она поняла, что ему непросто это решить. Потому что по сути решить надо, забирают ли они Алесино десятилетнего сына из Пинска в Москву. А внутри этого решения, как в матрешке, скрыто еще одно: готов ли он к такой ответственности? Конечно, ответственность реаниматолога мало с чем сравнишь, но все-таки она совсем другая. Ее можно увезти с собой в Африку, с ней можно вернуться обратно в Москву или в Берлин – она относится к твоей работе, а жизнь твоя, пусть даже та небольшая ее часть, которая от работы только и остается, все-таки полностью принадлежит тебе, в ней ты свободен. И кто знает, хочет ли Женька от этой последней своей свободы отказаться, и кто вправе требовать этого от него или даже спрашивать его об этом? Соня считала, что уж точно не она.

Алеся ушла, забрав Бентли, который даже не проснулся, когда его укладывали в переноску.

– Не переживай, – сказала она. – У него вторая жизнь начинается, это же хорошо.

– Вторую он у Витьки прожил. Третью у меня. Это если считать, что первую в контейнере для мусора. Хотя точно неизвестно.

– Значит, четвертая. У кошек их девять, говорят.

Соня все-таки вызвала для Алеси такси и, открыв окно, проводила взглядом машину, исчезающую в сплошном дождевом тумане. Последний укол стыда был особенно острым.

Фотография на консоли была ей так же привычна, как песчаная роза. Но сейчас разговор с Алесей соединился со стыдом из-за Бентли, и все это обернулось странной тревогой, от которой Соне показалось, что ледяной взгляд прадеда пронизывает ее насквозь. Как ни странно, ей стало спокойнее под этим взглядом, как будто он охладил разгоряченное сознание.

Она сняла кольцо. Блеклая песчаная роза тускло переливалась кристаллическими лепестками в золотисто-серебряной оправе. Как все-таки нелепо быть похожей на мертвый предмет, вынырнувший из бездны времени! Впрочем, это далеко не единственная нелепость ее жизни.

Она спрятала кольцо в эбеновую шкатулку, коснувшись напоследок лепестков. Роза была теплой, как песок вечерней Сахары, и вовсе не казалась мертвой. Конечно, потому что просто нагрелась в ложбинке под горлом. Но это свидетельство жизни Соню все же обрадовало.

Глава 11

Ксения не поняла, не осознала, когда песок перестал пугать ее своей мертвой громадой. Хотя такое должно было запомниться. Папа говорил, что Геродот называл Сахару страной страха и жажды. Так и есть. И то, что она перестала ощущать естественный страх перед пустыней, ни о чем хорошем не свидетельствует.

В последний переход до оазиса она и жажды уже не ощущала. Привыкла. Кабир и говорил, что привыкнет, и злился, что на нее тратится слишком много воды. Но все-таки давал ей пить, сколько просила. Непонятно почему. Глядя со спины верблюда на дрожжущие в раскаленном воздухе песчаные волны, Ксения думала, что сама не дала бы такой, как она, ни капли. Бросила бы в песках, никто бы и не заметил. Зачем такая бессмысленная, кому нужна? Ни единому человеку на свете.

Что ж, Кабир милосерднее к ней, чем сама она к себе. Дал большой кусок синей ткани, чтобы обернула голову, защищаясь от испепеляющего солнца. Такой тканью оборачивали голову все туареги, когда переходили через пустыню. Через неделю пути Ксения узнала, что лицо у нее приобрело такой же, как у них, оттенок индиго: краска въелась в кожу. Об этом сказала ей Дина, мать Кабира. На лице у Дины была татуировка, почему-то в виде креста, и она была главной в караване. Это удивило бы Ксению: ведь туареги мусульмане, и почему в таком случае крест прямо на лице, и как женщина может всем заправлять? Но удивляться она не могла уже ничему, все было ей безразлично. Хоть женщина пусть ведет их через проклятый Эрг, хоть сам черт, все равно.

Дина, впрочем, подчинялась все-таки мужчине. Вернее, не подчинялась, а слушалась мужчину. Если можно было назвать мужчиной существо, которое и на человека-то не очень походило. Старик, закутанный в рваные тряпки, был худ, как жила, обтянутая кожей, и слеп. Из-за слепоты его, собственно, и слушались. Когда кончились огромные, метров в триста высотой, песчаные дюны и такие же огромные глиняные башни, по которым караван сверял направление своего пути, то слепой унюхал – буквально унюхал, как животное, – тропу, по которой прошли верблюды предыдущего каравана, и они тоже двинулись по этой неразличимой тропе. Если бы не его обостренное обоняние, то, может, погибли бы в песках. Хотя Ксения не верила, что Дина, Кабир, его старший брат Абдаллах и две жены этого старшего брата могут погибнуть в Сахаре. Они были ее частью, и отличие их от песчаных дюн не было существенным, и друг от друга они отличались не более, чем отличаются друг от друга дюны.

Дина говорила по-французски, она и рассказала Ксении про слепого, про невидимую караванную тропу и про то, что они спешат миновать Эрг, потому что вот-вот начнется сезон песчаных бурь, до которого нужно оказаться в оазисе, иначе будет плохо, совсем плохо. Ксения ей поверила – и потому что готова была поверить в любую опасность, исходящую от пустыни, и потому что, когда подул ветер и, играя светом и тенью, пески пришли в движение, она увидела глубокий, глубинный страх в Дининых глазах. Страх этот был ей понятен: папа говорил, песчаная буря заносит караван почти мгновенно, потому что песок поднимается вверх на полтора километра, несется со страшной скоростью и долетает даже до Европы. Их маленькая экспедиция тоже ведь торопилась выбраться из Большого Западного Эрга – папа переводил это слово с арабского как «море дюн» – до конца весны. И если бы не углубилась в пустыню из-за наскальных рисунков, которые искала не только вдоль линии оазисов, но и непосредственно в Эрге, то папа не умер бы посреди пустыни. Может, вообще не умер бы. В оазисе, в поселении, во французском гарнизоне, нашелся бы врач. И врач спас бы его. Дал бы какое-нибудь лекарство, поддержал бы сердце. А потом они добрались бы до Аль-Джазаира, до столицы, а оттуда, быть может, смогли бы уехать из Алжира в Париж, и папу вылечили бы совсем, навсегда.

Эти мысли миражно мерцали в ее голове под мерные шаги мехари. Но стоило ей вздрогнуть, встряхнуться, как она понимала, что так быть не могло. Какие врачи, какие лекарства? Какой тем более Париж? Только к вечеру, когда останавливались на ночлег, и жара спадала, и белесый песок расцветивался всеми цветами заката, и остывала голова, Ксения начинала сознавать, что он вообще существует на белом свете, Париж. А ночью, кутаясь в одеяло из верблюжьей шерсти, думала, что от сознания этого лишь страшнее сгинуть здесь, в крошечных песках Эрга.

И когда дошли наконец до оазиса, когда показались вдалеке, за желто-оранжевыми дюнами, высокие финиковые пальмы, а потом появилась зелень, настоящая, живая, напитанная водой зелень, ковер зелени, то Ксения подумала, что это очередной мираж. Такой же, какие плыли у нее перед глазами все время в пустыне. А когда слезла с мехари, легла на эту траву, коснулась ее щекой и поняла, что все это ей не чудится, то затряслась от рыданий, и на мгновение ей показалось даже, что теперь она спасена.

Но мгновение и есть мгновение. Спешились, сняли со вьючных седел груз, каждый взял по два вьюка, Ксении дали один. И вошли в узкий просвет между саманными домами, покрытыми коричневой штукатуркой. Сколько она ни спрашивала, куда они идут и как ей найти французов, Кабир не отвечал и даже не оборачивался. Дина шла вслед за нею и тоже молчала, а когда Ксения обратилась с этими вопросами к ней, то просто подтолкнула ее в спину и прикрикнула, чтобы шла куда велят.

Сначала Ксения пыталась запомнить повороты здешних улиц. Если вообще можно было назвать улицами промежутки такие тесные, что кое-где по ним надо было не проходить, а протискиваться между домами. Но уже через несколько минут она поняла, что запомнить их невозможно. То есть возможно, однако для этого надо быть не ею, а совсем другим, быстроумным человеком, умеющим все, что по-настоящему необходимо в жизни. Ее же немногочисленные навыки, вроде знания стихов на четырех языках или приготовления французского омлета, пусть даже и на костре, были здесь бесполезны.

Наконец они остановились у какого-то дома. Мужчины вошли в одну его половину, женщины в другую.

– Здесь будешь спать, – сказала Дина. – Спать, есть.

– Но сколько? – проговорила Ксения. – Сколько я буду здесь спать-есть? И зачем?

На эти вопросы Дина не ответила. Сочла ниже своего достоинства объясняться с девчонкой, которая и жива-то лишь потому, что ее из жалости довели до оазиса.

Что оставалось делать? Ксения принялась разбирать вещи из вьюков вместе с двумя Диниными невестками.

Глава 12

Общая жизнь в медине начиналась лишь вечерами. Спадала жара, открывались двери домов, открывалась и торговля. Особенно оживленно она шла на маленькой площади, где стояла мечеть и устраивались мавлиды – праздники, которые, как объяснила Дина, бывают не только в день рождения Пророка, но и в обычные дни рождения детей, если у их родителей есть деньги, чтобы отметить такое событие.

В первый же мавлид Ксения пошла на площадь вместе с Диной и ее невестками и под шумок нырнула в одну из узких улиц, надеясь найти выход из медины. В оазисе Аль-Голеа, из которого отправлялась папина экспедиция, был французский форт, в других алжирских оазисах тоже. Ксения надеялась, что и этот, туарегский, в котором она оказалась, состоит не из одной лишь медины с ее однообразными темными домами и таким же темным укладом. Но стоило ей только отойти от площади, Кабир догнал ее и велел идти в дом. Ксения видела: он так рассердился, что хочет ее ударить и не делает этого лишь потому, что бить женщин не принято у туарегов.

Вечером Динина старшая невестка Фатима сказала Ксении, что французов в оазисе нет. Попыток сбежать она больше не предпринимала. Недавнее равнодушное бесстрашие развеялось, и при мысли о бесконечных песках ее теперь снова охватывал такой ужас, что даже из дома выходить не хотелось. Тем более что жара набрала силу и днем наружу носа было не высунуть.

Зачем ее держат здесь, Ксения не понимала. Как от работницы толку от нее было не много – печь лепешки, чинить одежду и красить ткани в разные цвета проворные Динины невестки могли и без нее. Сначала она боялась, что неженатый Кабир станет ее домогаться, однако он и пальцем не пытался к ней притронуться, и даже обходил ее взглядом.

И так она жила, будто во сне, день за днем, теряя счет этим бессмысленным дням своей бессмысленной жизни.

Мужчины ходили работать на поле и в рошу, где им принадлежали финиковые деревья – очень мало деревьев, вздыхала Фатима. Женщины занимались домом. Держались они свободно: не закрывали лица не только в доме, но и вне его, одевались в яркие одежды. В Бизерте, куда пришла из Крыма русская эскадра, женщины вели себя совсем иначе, там они напоминали укутанные во всё черное привидения без лиц.

Наверное, из-за кочевой жизни и женщины у туарегов другие, думала Ксения. А может, есть для этого еще какие-нибудь причины, но их она не понимает, потому что они таятся в глубинах сознания этих пустынных людей, которые для нее так же загадочны, как пески Сахары.

Но думала она об этом лишь вскользь. Все ее существо было сосредоточено на том, чтобы не сойти с ума от безысходности и дожждаться... Чего дожждаться, Ксения не знала, но старалась строить на сей счет хоть сколько-нибудь определенные планы, которые помогали избежать безумия.

Например, на какой-нибудь праздник приедут люди из далеких мест, и ей удастся передать с кем-нибудь из них записку во французский гарнизон, в любой. Да, такая возможность казалась ей наиболее вероятной. И записку она уже приготовила, ведь мало ли как сложится, может, всего минута выдаться, чтобы передать ее.

Чтобы получить бумагу и чернила, Ксении пришлось сказать Дине, что ей нужно записать стихи, которые она сочиняет. К стихам Дина относилась с почтением: она и сама их пела, играя на амзаде – инструменте, похожем на однострунную скрипку. То, что обе жены старшего сына ни играть, ни петь не умеют, вызывало у Дины презрение. Она объясняла это досадное обстоятельство тем, что у Абдаллаха не было денег, чтобы взять двух хороших жен, и не было ума, чтобы имевшиеся деньги потратить на одну, которая могла бы таким образом оказаться

получше. Кабир, добавляла она, умнее: копит деньги на достойную жену. Это Ксению успокаивало: она-то точно не считается достойной, так что в отношении Кабира можно не волноваться.

Она записала на одном из полученных листков сонет из «Цветов зла» Бодлера и прочитала его Дине. Та сказала, что Ксения пишет хорошие стихи, и не обратила внимания, сколько бумаги потрачено.

Так что к тому дню, когда в медине происходил очередной мавлид, на который съехались гости, у Ксении была готова записка к главе французского гарнизона с горячей просьбой помочь ей, подданной Российской империи, выбраться из Сахары и попасть во Францию, где она сможет сама о себе позаботиться, никого более не затрудняя. Что никакой Российской империи уже девять лет не существует и она в связи с этим ее гражданкой не является, Ксения благоразумно не упомянула. Трудно представить, что французский офицер не знает таких вещей, но ведь всякое бывает на свете.

Вечером, когда спала жара, на главной площади, которая представляла собою всего лишь небольшую, окруженную домами площадку, собралось много людей. Они смеялись, ели сладости, пели, оживленно о чем-то беседовали, чем-то хвастались. Ксения увидела в толпе Кабира, он показывал человеку, не похожему на туарега, но, несомненно, тоже обитателю пустыни, устрашающего вида меч, который назывался такуба. Она знала, что меч принадлежит Абдаллаху, старшему Динину сыну. Тот получил его после смерти отца. Кабир завидовал брату, но говорил, что так положено, чтобы меч доставался старшему.

Собеседник Кабира выглядел странно, и Ксения поняла, что это скорее всего инеден. Дина говорила, что инеден непонятно от кого произошли, что они разговаривают с нечистой силой на своем непонятном же языке, и именно нечистая сила помогает им вынимать у людей изо рта больные зубы, а из дырки, которую они умеют проделывать в черепе, инеден вытаскивают большое мясо, от которого, если оно разрастется в голове, человек непременно умрет.

Ксения колебалась, не передать ли свою записку этому инеден. Однако он все же показался ей не только странным, но и необъяснимо страшным. Она рассердилась на себя за то, что поддавалась суевериям, но довериться этому человеку не решилась. Выбрать же какого-нибудь другого вестника не успела: Фатима позвала ее домой, сказав, что приехали гости и надо их накормить.

Еда была уже готова, Фатима и Ксения должны были только отнести ее на мужскую половину. Войдя туда с большим медным блюдом, на котором дымилось тушеное козье мясо, Ксения волновалась так, будто ей предстояло встретить близких людей. На самом деле причина была, конечно, лишь в том, что она надеялась увидеть кого-нибудь понадежнее инеден и, если ее надежда оправдается, найти потом возможность передать записку. Вечером, например, когда гости будут сидеть на крыше дома и пить чай, глядя на огромные яркие звезды и ведя неспешные разговоры.

Гостей было двое. Первый, дородный пожилой араб в галабии из дорогой ткани, благожелательно кивнул, когда Фатима и Ксения поставили перед ним блюда с мясом и овощами. Блестели кольца на его пухлых пальцах, располагающе блестели умом и интересом маленькие темные глаза. Ксения подумала уже, что ему можно было бы отдать записку... Но тут взглянула на второго гостя и едва не ахнула.

Он тоже был одет в галабию, и весь его облик соответствовал обычному облику восточного мужчины. Но при этом было очевидно, что он европеец. Ксения присмотрелась внимательнее, и сердце ее забило так, что чуть из горла не выскочило. Ну конечно! Не у араба же будут такие глаза! И глаза туарегов, хотя и светлые, тоже совсем другие.

На темном от пустынного солнца лице этого гостя глаза казались не просто светлыми, а ледяными, и взгляд их пронизывал холодом. Но Ксения так отвыкла от холода, что ледяной взгляд не смутил ее, а обрадовал.

Она смотрела на этого гостя не отрываясь. Он же не выказывал ни интереса к ней, ни удивления тем, что видит посреди Сахары европейскую женщину в цветастой одежде туарегов.

Но тут Фатима потянула остолбеневшую Ксению за рукав, и пришлось выйти из комнаты вместе с нею.

Остаток дня она провела в смятении, не находя себе места. Пошла было снова на площадь, надеясь, что гости Кабира пойдут туда тоже. Не дождавшись их там, вернулась домой. Стала помогать женщинам готовить ужин. Бросила это занятие, ушла на женскую половину и села в углу на шерстяной марокканский ханбиль, глядя в противоположный угол остановившимся взглядом. Вскочила с ковра почти лихорадочно, не зная, куда еще пойти и как увидиться с гостями. То есть, конечно, со вторым из них, с тем, ледяной взгляд которого наполнил ее жизнью и надеждой, как наполнял ими ледяной же источник воды в пустыне.

Но увидиться ни с одним из гостей не представлялось возможным: они легли отдыхать после обеда. Оставалось только ожидать вечера и надеяться, что в темноте удастся подойти поближе и попросить о помощи. Эта надежда измучила ее, отняла силы. Она сама прилегла на женской половине и не заметила, как уснула.

Когда Ксения проснулась, было уже темно. Она пропустила то бессумеречное мгновение, которое отделяло день от ночи здесь, в Сахаре. Да и везде на юге ночь наступала мгновенно – и в Бизерте, и в Ялте.

Ялта вспомнилась некстати – сердце зануло при этом воспоминании.

Она неслышно встала и, укутавшись поверх длинной ярко-синей рубахи в темную накидку, выскользнула из комнаты.

На плоскую крышу вели с противоположных сторон дома две лестницы. Остановившись возле одной из них, Ксения прислушалась к голосам сидящих наверху мужчин. Прислушиваться, впрочем, было бессмысленно: говорили по-арабски, она знала на этом языке лишь несколько фраз.

Вжимаясь в стену, сливаясь с темной штукатуркой, Ксения слушала, как что-то горячо доказывает гостям Кабир. Так страстно он торговался недавно с перекупщиком, которому хотел повыгоднее продать финики будущего урожая. Время от времени ему что-то отвечал один из гостей, наверное, тот самый араб с живыми глазами. Его голос журчал так же доброжелательно, как блестели глаза. Да, скорее всего, обсуждают какую-то сделку, может, тоже по финикам, но что ей до их сделок... Ксения чуть не заплакала от своей бессмысленной наивности. Поговорить с гостем наедине!.. Кто ей позволит?

И в то самое мгновение, когда слезы уже подступили к глазам, на запястье у нее сомкнулись чужие пальцы. Твердая сухая ладонь прижалась к ее губам, царапнув бугорками мозолей. Только эта ладонь и остановила вскрик. От испуга она не попыталась сопротивляться, когда человек, руки которого были так тверды и сильны, увлек ее за угол дома.

Ксения подумала, что он хочет увести ее со двора, мелькнула мысль, что сторожевые псы, огромные пустынные овчарки аиди, которых Абдаллах всегда выпускал на ночь, не дадут этого сделать... Но похититель толкнул дверь стоящей отдельно от дома кухни, бесшумно шагнул внутрь, втащил за собой Ксению и закрыл дверь.

– Ну, – негромко сказал он, отпуская ее руку, – зачем вы меня караулили?

– Я не караулила. Я просто хотела с вами поговорить.

И только произнеся это, Ксения поняла, что и вопрос был задан по-русски, и по-русски она ответила. Она ахнула, тут же зажала себе рот, тут же руки ото рта убрала и, задыхаясь, шепотом воскликнула:

– Помогите мне! Умоляю вас!

Ей казалось, что его глаза светятся точно так, как светился когда-то лед на Москве-реке под луною. Но, конечно, это лишь иллюзия: теперь новолуние, и тьма в кухне крошечная, и даже глаза волка не могли бы в ней светиться.

– Какой помощи вы ожидаете?

Он не спросил ни кто она, ни как здесь оказалась. Это и ее удержало от сбивчивых и ненужных расспросов, уже готовых сорваться с языка.

– Увезите меня отсюда, – стараясь, чтобы не дрожал голос, сказала Ксения.

– Куда?

– Во французский гарнизон. В любой.

– Я не могу этого сделать.

Она совсем не ожидала отказа, тем более такого определенного. Хотя почему бы он должен был согласиться куда-то ее везти? Что-то, исходящее от него, позволило ей надеяться на помощь. Но она ошиблась.

– Почему? – упавшим голосом спросила Ксения.

– Потому что ваш хозяин продал вас Ахмеду.

– Как-к-кой х-хозяин?..

Ее охватил такой ужас, что вопрос она задала лишь машинально.

– Кабир.

– Он мне не хозяин!

Ксения выкрикнула бы это так громко, что наверняка услышали бы собаки. Но горло словно железным обручем сжало, и вместо крика вырвался лишь хрип.

– Но сделку он заключил, – ответил ее невидимый собеседник.

Ноги у нее ослабели, в глазах потемнело, хотя невозможно ведь отличить тьму от тьмы... Она опустилась на пол и обхватила себя руками за плечи.

– Завтра вас отсюда увезут.

Его голос звучал бесстрастно.

– Куда?

А ее – безжизненно.

– В Египет.

Его шаги были бесшумны. Лишь по едва ощутимому движению воздуха Ксения поняла, что открылась дверь кухни.

– Это не так плохо, как вам кажется, – услышала она. – Ложитесь спать.

Дверь за ним закрылась. Мертвая тишина окутала ее.

Глава 13

У Бентли в Полесье началась четвертая жизнь, а у Сони жизнь шла настолько одна и та же, что все бывшие до нее казались теперь призрачными. Но ведь у большинства людей становится так, когда проходит юность, удивляться нечему. Странно лишь то, что это стало ее тяготить.

Особенно работа сделалась в тягость и, собственно, только работа, потому что Соня проводила в издательстве целые дни. Хотя никогда прежде она не тяготилась рутинной, как не тяготится ею всякий взрослый человек, если он не бомж, освободивший себя от всех обязательств перед всеми, включая себя самого.

Остаток отпуска она перенесла на зиму, чтобы поехать к родителям: давно их не видела и давно хотела побывать на Алтае зимой. Но из-за этого пришлось остаться в Москве на всю осень, без южного перерыва, который Соня всегда себе устраивала в ноябре.

И вот теперь беспросветный этот ноябрь лежит буквально на голове всем своим плотным серым небом, и дождь пронизывает унынием, как будто течет из этой серости прямо в мозг.

Открыв дверь издательского подъезда, Соня увидела у тротуара такси, из которого как раз выходил пассажир, и малодушно подумала, не сесть ли в освободившуюся машину. Общественным транспортом от Тверского бульвара до Большого Козихинского переулка не доехать, а мокрый снег не располагает даже к короткой прогулке и даже по любимым кварталам.

Она шагнула на улицу, дверь подъезда за ней закрылась... На тротуаре стоял Борис Шаховской и оглядывал стену в поисках таблички с номером дома.

– Привет, – сказал он, увидев Соню. – Почти не надеялся застать тебя на работе так поздно.

– Позвонил бы. Не пришлось бы ехать зря.

– Так ведь зря и не пришлось. Ты домой?

– Да, – ответила она с секундным промедлением.

– В Подсосенский?

– Я живу в бабушкиной квартире. В Большом Козихинском.

– Это рядом.

– Да.

Не стоило говорить ему, где она живет. Его молчание требовало теперь, чтобы она пригласила его к себе.

«Я совершенно не обязана это делать», – подумала Соня.

И сказала:

– Если не боишься промокнуть по дороге, могу пригласить на кофе.

– По-лейпцигски?

– Ты еще помнишь?

– Конечно.

Он подошел к такси, которое не успело отъехать от тротуара, и приглашающе открыл заднюю дверцу для Сони.

– Большой Козихинский в двух шагах, – напомнила она.

– Но ты ведь не хочешь идти пешком в такую погоду.

– Откуда ты знаешь?

Он не ответил. Она не стала переспрашивать. Он знает ее насквозь, всю, и если она изменилась за восемь лет, прошедших после расставания с ним, то эти изменения незначительны. Ее жизнь как стоячая вода. Или как песок в пустыне. Да, скорее как песок. Пять лет назад она ездила отдыхать в Тунис, взяла экскурсию в Сахару, и пустыня поразила, а вернее, подавила ее своей неподвижностью, своей не то что неизменностью, но абсолютной невозможностью перемен.

До Большого Козихинского доехали быстрее, чем все это промелькнуло у Сони в голове.
– Сашка еще в августе говорил, что ты в Москве, – сказала она, открывая дверь своей квартиры. – И с тех пор здесь?

– Нет, конечно. Улетал, сегодня снова прилетел. Что мне здесь было три месяца делать? Да и жить негде.

– Тебе ведь тетя квартиру оставила?

Соня сразу спохватилась, что ее вопрос основан на сведениях, которых сам он ей не сообщал. Но Шаховской не обратил на это внимания.

– Я туда пустил гастарбайтеров, – ответил он. – Квартира в таком состоянии, что больше никто в ней жить не станет. А возиться с ремонтом нет смысла, я ее продаю.

«Какое мне до всего этого дело? – подумала Соня. – И как странно, что я говорю с ним так... бесстрастно».

– Проходи в комнату, – сказала она. – А я сварю кофе.

В комнату он проходить не стал, а пошел за ней в кухню и, прислонившись к краю подоконника, смотрел, как она взбивает желтки с ликером. Его взгляд беспокоил. Соня обернулась.

Она впервые за сегодняшний вечер смотрела на него так близко и прямо, что видела его лицо во всех подробностях. Шаховской был старше на пятнадцать лет, но теперь выглядел если не моложе, то точно свежее, чем она. Соня давно замечала эту свежесть в лицах знакомых, живущих в Израиле. Удивляться нечему: море, солнце, фрукты – с чего лицу быть отечным и серым? У Бориса оно стало за прошедшие восемь лет таким бронзовым, что даже необыкновенные сумеречные глаза не были уже на его лице главными. А может, они просто перестали притягивать Соню, втягивать ее в себя.

– Как ты живешь? – спросила она.

Раз он не обращает внимания на бестактность ее вопросов, то лучше задавать их, чем молчать.

– Как никогда раньше. Я очень доволен.

– Замечательно.

– Ты стала светской.

– С чего ты взял? – удивилась она.

– Люди не говорят в обычной жизни таких отстраненных слов, как «замечательно».

Какое право он имеет ее оценивать? Соня наконец рассердилась.

– А может быть, я именно хочу говорить с тобой отстраненно, – сказала она.

– Может быть.

– Зачем ты хотел меня видеть?

– Кофе убежит.

– Не беспокойся. Так зачем?

– Для гармонизации своего внутреннего пространства.

– Теперь я могла бы сказать, что ты стал светским. Но не скажу. Хотя про гармонизацию пространства тоже звучит отстраненно, согласишься.

– Не соглашусь. Для меня такие вещи насущны. И не только для меня.

– А для кого еще?

– У меня три миллиона подписчиков.

Об этом Соня знала. Она даже посмотрела несколько его роликов на ютубе, и они показались ей не то что не интересными, но бесконечно далекими от всего, что в принципе могло быть ей интересно, не говоря уже о чем-то большем, чем просто интерес.

– Значит, тебе гармонии и без меня хватает, – пожала плечами она.

– Не скажи. Гармония не дается раз и навсегда, ее надо в себе поддерживать. В какой-то момент я понял, что мне для этого необходимо встретиться с тобой. В прошлый свой приезд и понял. Вот, решил встретиться. Рад, что ты не против.

«Мне все равно», – чуть не ответила Соня.

Но тут в джезве поднялся кофе, она сняла его с огня, налила в фарфоровую чашку, поставила ее перед Борисом, достала из буфета коробку с конфетами.

– Конфет не надо, – сказал он.

– Фигуру бережешь? – Соня улыбнулась. – Тебе можно не беспокоиться.

Он был не только загорелый, но и поджарый, гибкий какой-то, в каждом его движении чувствовалась свободная сила.

– Потому и не беспокоюсь, что берегу, – ответил он. – Тоже раз и навсегда не дается. Из сладкого – только финики.

– Фиников нет.

– Неважно.

– Расскажи, как твои дела, – сказала Соня.

Она вылила остаток кофе из джезвы в свою чашку и села напротив Бориса за стол.

– Ты же знаешь, – пожал он плечами.

– Я только о твоём ютюб-канале знаю.

– А это основное. Все остальное так или иначе с этим связано.

– Да?

Она просто не знала, что сказать. Не знала, о чем с ним говорить.

– Да. Я, конечно, понимал, что эмигрировать в сорок пять лет с филологическим образованием, да еще в такую сложную страну, как Израиль, это очень непросто будет. Но одно дело знать, а другое – в пекарне у арабов тесто месить.

– Прямо вот так?

– Ну а как? С моим бэкграундом работа могла найтись только физическая. И хорошо еще, что здоровья на нее хватило и что квартиру сразу купил. Хотя по сравнению с моей московской это не квартира была, а слезы. Но главное, перспектив же никаких, вот от чего меня в такую депрессию бросило, что о самоубийстве думал уже не абстрактно, а технически. Но это как раз и дало перспективу.

– Что дало перспективу, самоубийство? – не поняла Соня.

– Депрессия. Слава богу, образование позволило отличить ее от плохого настроения. Стал лечиться. А это же групповая терапия, всё проговаривается, и не раз: что с тобой происходит, чего ты хочешь добиться, что для этого надо делать сию минуту, через день, через неделю, почему именно это, а не то, почему именно тебе. Учишься, находясь среди людей, выстраивать внутри себя систему, которая даст тебе возможность существовать.

– И ты научился.

– А куда было деваться? Жить захочешь, еще не тому научишься. Но главное не в этом.

Борис смотрел на Соню так, что не оставалось сомнений: он хочет, чтобы она спросила, в чем главное. Он всегда умел добиться, чтобы она спрашивала, и не просто спрашивала из вежливости, а хотела бы получить ответ.

– В чем же главное? – спросила она.

– В том, что люди меньше думают о насущном, чем принято считать. Не философы, а самые обычные люди с не слишком развитыми навыками мышления больше всего хотят получить не конкретный ответ на вопрос, что им делать для элементарного обустройства своей жизни, а некую общую матрицу. Необъяснимо, но факт. Не где мне найти хорошо оплачиваемую работу, а как мне научиться отличать свою миссию от своего призвания, как привязывать к этому свои навыки, что такое вообще навыки, какие нейронные связи задействованы в их активации и как эти связи развивать.

Объяснять такие вещи Борис умел всегда, ей ли не знать. Матрица, которую он выстроил для нее, девочки, сделала ее жизнь стройной и осмысленной. Собственно, и его издательский дом был такой же матрицей, только имевшей материальные очертания.

– Я поняла, – сказала Соня. – Ты добился возможности заниматься тем, что тебе нравится и при этом приносит деньги.

– Немалые.

– Это же хорошо.

– Конечно.

– Но тогда зачем...

– Ты мне затем, что я не знаю другой женщины, которая была бы так гармонична.

Он всегда говорил прямо. Но, наверное, Соня успела от этого отвыкнуть. И молчала теперь, потому что не знала, что на это сказать.

– Я предлагаю тебе поехать со мной, – сказал Борис. – Или приехать ко мне. Если тебе нужно время, чтобы подумать.

Все-таки он поразительный человек! Является через восемь лет, после... всего, что произошло, и ведет себя при этом так, будто не произошло ничего и будто этих восьми лет не было вообще.

– А ты считаешь, подумать мне не нужно? – усмехнулась Соня.

– Допускаю, что может быть нужно.

– Ну спасибо!

– Ты зря сердисься. Если у тебя кто-то есть, просто скажи об этом. В остальном же... Я же знаю от Сашки, что представляет собой твоя работа. Не думаю, что ты ею увлечена.

– А если ошибаешься? Если все-таки увлечена?

– Я предложил бы тебе более живое и денежное занятие.

– Вести твои соцсети?

– Если хочешь – пожалуйста. Хотя их и так ведут. С определенного числа подписчиков я перестал справляться с этим самостоятельно. Да и уровень потребовался профессиональный. Но сейчас я затеваю офлайн-школу, уже весной. И в связи с этим будет интересная работа.

Он впервые смотрел на нее тем взглядом, который она помнила. Тем самым, бездонным.

– Но я... – растерянно пробормотала она.

– Тебе пора выходить из анабиоза, Соня. – Дрогнула уголок его губ. Что-то дрогнуло у нее в сердце. – Я же вижу, какая ты сейчас. А работа правда будет интересная. К тому же Израиль весной – это очень красиво.

– Весна не вечная, – машинально проговорила она.

– Боишься жары? Не беспокойся. У меня хороший дом. Летом в нем прохладно.

– Тебе по-прежнему нравится ошеломлять.

– Может быть. Но сейчас у меня другая задача. Я просто хочу, чтобы ты приехала ко мне.

«Я просто хочу». Он стал загорелый, внешне почти неузнаваемый, но по сути не изменился совершенно.

– Это будет школа для людей, которые хотят научиться, как им наилучшим образом прожить лучшую часть своей жизни, – сказал Борис.

– Лучшую – это какую? Студенческие годы?

– Следующие двадцать пять лет после пятидесяти. Возможно, и больше. – Он заметил тень недоверия в Сониных глазах и добавил: – Мы ведь первое поколение, которое получило их для полноценной жизни. Такой подарок от эволюции. Есть силы, опыт, здоровье – при грамотном отношении, конечно. Нет социальных обязательств, или по крайней мере они не такие масштабные, как раньше. Значит, есть свобода. И почти никто не знает, что со всем этим делать.

– Но откуда же знать? – пожала плечами Соня. – Никого ведь этому не учили.

– Именно! Ты сразу улавливаешь суть. Нас этому не учили, потому что до нас этого времени ни у кого не было. В школе учили, как подготовиться к юности, в универе – ко взрослой жизни. А после пятидесяти наступала старость, готовиться следовало только к смерти, и чему тогда учиться? Не новой же профессии, не путешествиям, не любви!

– Тоже новой?

– У кого как. Во всяком случае, новому ее качеству. В общем, я скоро начну набор в эту мою весеннюю школу. Она будет не дешевая и для не самых заурядных людей. С которыми надо разговаривать очень убедительно.

– Ты это умеешь.

– Да. И ты тоже.

– Это спорно.

– Это совершенно бесспорно, Соня. – Тоненько звякнула о блюдце его чашка. Сверкнули глаза. – Твоя убедительность... Неуловимая непреклонность, так бы я назвал. Как раз то, что убеждает людей в том, что настоящую правду знаешь только ты.

Соня улыбнулась.

– Никто не знает настоящей правды.

– Это не важно, – поморщился Борис.

Узнал ли чеховскую цитату? Наверное. Он знал все, что знала она, и еще что-то большее.

– Что же важно? – спросила Соня.

– Чтобы люди поверили, что в твоём понимании того, как следует поступать, большой процент не достоинств твоих врожденных, а знаний и удачи. Тогда они решат, что удача может прийти и к ним, как только они вооружатся твоим знанием.

– Пожалей меня. – Она действительно расслышала жалобные нотки в своем голосе. – Являешься как снег на голову, говоришь то, что я едва улавливаю. И предлагаешь развернуть жизнь на сто восемьдесят градусов...

– Да ничего же особенного не говорю! А выйти из зоны комфорта сейчас, по-моему, предлагают на каждом углу. Я, правда, предлагаю тебе в нее, наоборот, войти. Конечно, это требует некоторого усилия, но результат того стоит, можешь мне поверить. Или, если не хочешь верить, воспользуйся своей уникальной способностью выстраивать причинно-следственные связи.

– Ничего уникального в этой способности нет.

– Однако семьдесят пять процентов людей ею не обладают. Это как минимум. А по моим наблюдениям – больше. – Борис встал из-за стола и сказал с той завершающей интонацией, которая была так же Соне знакома, как и все в нем: – Я пробуду в Москве неделю. Было бы очень хорошо, если бы мы улетели вместе.

И это было ей знакомо тоже – вот эта настоятельность не принуждения, а предложения, которое всякий здравый ум оценит как заманчивое.

У нее здравый ум. И она действительно умеет выстраивать причинно-следственные связи, он прав.

У открытой входной двери Борис остановился, медленно обернулся. Соне показалось, что он сейчас ее поцелует. Но он лишь помахал прощально, и, закрывая за ним дверь, она вздохнула с облегчением. В том смятении, в которое он ее привел всего за какой-нибудь час, любая попытка сближения была бы слишком странным испытанием. Она не понимала, выдержит ли его, и еще меньше понимала, надо ли выдерживать.

Соня вспомнила, какой пронзительной ясностью, каким острым предчувствием счастья было отмечено начало их отношений, и от того, что ничего подобного больше не будет, ее охватила такая печаль, словно этого не будет в ее жизни и вообще, ни с кем, никогда. Хотя почему «словно»? Вся ее жизнь после расставания с Борисом это подтверждает.

Но давнее прекрасное начало сверкало в ее памяти, как разноцветные искры первого зимнего дня и первого снега.

Глава 14

Первый календарный зимний день выдался просто образцовым. Накануне ночью выпал первый снег и не превратился к утру в грязное месиво, а лег искрящимся покровом на ветки облетевших деревьев, на газоны, на крыши и карнизы домов. Конечно, это была еще не зима, а иллюзия зимы, но когда Соня выглянула рано утром в окно, ее двор в Подсосенском переулке выглядел как настоящее снежное царство. А к полудню, когда она вышла из метро в Перове, ударил уже и мороз, и это был настоящий, не позволяющий в себе сомневаться, зимний радостный мороз.

И Борис Шаховской, ожидающий у метро, был частью этой радости.

– Вы зря так легко оделись, – заметил он. – Зима пришла настоящая.

– Да, – кивнула Соня. – Но мне совсем не холодно.

Распущенные волосы закрывали уши и шею лучше шапки с шарфом. К тому же и любопытство согревало. Когда утром Борис позвонил и попросил не приходиться в офис, а приехать к двенадцати часам в Перово, он не сказал, зачем это нужно, так что для любопытства были все основания.

– Утром машина не завелась, пришлось в сервис сдать, – сказал Борис. – Проедем несколько остановок на автобусе? Или такси?

Он кивнул на стоящие у выхода из метро разномастные машины.

Соне хотелось спросить, куда они поедут, но спрашивать, раз он не говорит об этом сам, было как-то неловко, и она сказала:

– Зачем же такси? Автобусы днем пустые.

Мороз усиливался. Пока ехали в автобусе, действительно пустом, иней на его окне искрился с каждой минутой все ярче, и радость все сильнее искрилась у Сони внутри, она ее прямо физически чувствовала.

Вышли у парка, длинная чугунная ограда которого тянулась вдоль шоссе Энтузиастов.

– Нам сюда? – спросила Соня, заметив ворота с неразличимой издалека табличкой.

– Зачем? – Борис, кажется, удивился. – Здесь Дом ветеранов сцены.

– Я не знала. То есть не знала даже, что есть такой дом. А что здесь делают ветераны сцены?

– Живут. Как ни пафосно это звучит, но искусство в самом деле требует жертв, и многие из них остались одинокими. По сути это дом престарелых, только приличный и даже с божественным оттенком. У каждого своя комната, есть зал с камином, есть концертный. Старички прогуливаются в парке, ведут беседы у камелька и посещают выступления молодых актеров, которых к ним в порядке шефства присылают из театральных вузов. Конечно, запах старости все равно неистребим, но здесь он как-то не вызывает отчаяния.

– Откуда вы все это знаете?

Они медленно шли по тротуару вдоль парковой ограды. Снег скрипел и сверкал, будто в лесу.

– Моя тетюшка здесь живет, – ответил Борис. – Одна из двух. Они с сестрой близнецы и обе актрисы, но вторая категорически отказалась сюда переезжать. Пришлось бы квартиру Союзу театральных деятелей отдать, а она желает умереть в своей постели. Как будто это так просто, лег и умер. Ну, надеюсь, до этого далеко: она энергичная, даже слишком. Да и та, которая здесь, тоже полна идей. Развила бурную деятельность, выставки устраивает.

– Какие выставки? – спросила Соня.

Борис бросил на нее взгляд, косвенный и быстрый, от которого у нее замерло сердце.

– Вам это в самом деле интересно... – проговорил он.

– Конечно. – Она удивилась недоумению, которое слышалось в его голосе. – Иначе я не спрашивала бы.

Борис остановился и смотрел теперь на нее не отрываясь. Соне тоже пришлось остановиться. Смущение и восторг охватили ее. Как в тот вечер их знакомства, когда они стояли под дождем на Пречистенке и только раскрытые зонтики их разделяли. Теперь не было и зонтиков.

– Да, я забыл, – сказал он.

– О чем?

– О вашей серьезности. Столь же твердой, сколь неуловимой.

Никто и никогда не говорил о ней... так. Так точно? Она не знала, точно ли это. Просто – никто никогда не говорил о ней, потому что не думал о ней. То есть, конечно, родители думали, и бабушка, и Женька, но и они почти не говорили, и в любом случае это было совсем другое.

Он первый на свете отдельный от нее человек, который говорит и думает о ней. Он просто первый на свете человек.

Эта мысль обожгла ее так, что, может быть, заалели щеки. Пусть он решит, что от мороза!

– Какие же выставки устраивает ваша тетя? – сама не зная зачем, повторила Соня.

Она сделала вид, что поправляет волосы, на самом же деле надвинула их на щеки, будто платок.

– Банальные. История семьи в истории страны.

Борис отвел взгляд от ее лица. Ей показалось, он сделал это с усилием, но, возможно, это было желаемое, выдаваемое за действительное.

– Это совсем не банально, – возразила она.

– В вас говорит ваша архивная специальность.

– Не только. Мне кажется, это в самом деле важно. Как люди жили, любили, что было им дорого. Странно, что я вам об этом говорю.

– Почему странно?

– Потому что у меня семья обыкновенная. А у вас-то нет. И тетушки-актрисы, и вообще. Шаховские – это же разветвленный род с огромной историей.

– Я отношусь к захудалой ветви, – усмехнулся Борис. Кажется, он наконец вышел из того странного состояния, которое показалось Соне связанным с нею. – Сучок, можно сказать. Кто-то когда-то неудачно женился, занялся каким-то бессмысленным делом, спился, и ветка постепенно отсохла. Мы пришли, – сказал он.

– Куда?

За разговором Соня не заметила, что парк Дома ветеранов сцены сменился какой-то промзоной.

– Вон к тому дому. – Борис соступил с тротуара в снег, снял перчатки и протянул Соне руку. – Держитесь. Снег глубокий, под ним щебенка, идти будет тяжело. Зря вы сапоги не надели!

– Но я же не знала...

– Я, дурак, хотел сделать вам сюрприз. Крепче держитесь.

Они пошли в сторону от магистрали к зданию из темно-багрового кирпича. Туфли у Сони были высокие, почти полуботинки, и все-таки снег в самом деле сразу набился в них. Но господи, разве это имело значение! Борис держал ее за руку крепко, подстраивал свой шаг под ее сбивающиеся шаги, и пока дошли до кирпичного здания, Соня почувствовала, что они стали – одно. Одно целое, единое и, быть может, единственное.

Ей показалось, что Борис чувствует то же. Во всяком случае перед дверью, на которой висел здоровенный замок, он не отпустил ее руку и не просто остановился, а будто бы замер.

Они молчали, держась за руки и вслушиваясь друг в друга.

Борис первым нарушил оцепенение. Он достал из кармана ключ, вставил его в навесной замок, провернул и сказал, вынимая замок из петель:

– Вот и дом. Входите, Соня.

Никогда она таких домов не видела! Он состоял из одной комнаты. Хотя странно было называть это огромное двухэтажное пространство комнатой. Широкие окна внизу и стрельчатые вверх были тусклыми от пыли, но все равно пропускали так много света, что дом превращался в какое-то необыкновенное световое царство. В абсолютной пустоте не только каждый шаг, но и каждый вздох разносились по этому царству россыпью таинственных звуков.

– А здесь что? – спросила Соня.

– Издательский дом Шаховского. – Голос Бориса звучал в этом царстве как глас с небес. – Я же не случайно назвал свое предприятие именно так. Вот – дом. Как назвал, так и поплывет эта лодка.

Его издательство, в котором Соня с октября работала редактором, располагалось в квартире на первом этаже жилого дома на Щукинской. В четырех крошечных комнатках с трудом умещались пятнадцать сотрудников. И хотя характеры у всех подобались такие, что от работы бок о бок никто не страдал, а всем наоборот было весело, наименование Издательский дом к той тесноте подходило не очень.

И вот теперь, значит, будет по-новому.

Соня мысленно произнесла именно эти слова – «теперь будет». Хотя ни гулкая пустота, ни толстый слой пыли на полу, ни торчащие из стен обрезанные трубы и еще какие-то ржавые конструкции не позволяли предполагать, что это может произойти в обозримое время.

– Здесь так хорошо! – сказала она. – Просто очень-очень.

– Мне тоже понравилось сразу, – кивнул Борис. – Как только перешагнул через порог, понял, что это правильное место. Даже раньше понял, когда к зданию шел.

– А что это за здание?

– В недавнем прошлом склад, а вообще фабрика девятнадцатого века. Русский индустриальный стиль. Я его с детства помню. Родители снимали дачу во Владимирской области, и рядом, в поселке Карабаново, была точно такая фабрика, ткацкая, кажется. Люблю такие совпадения.

– Туда можно подняться? – спросила Соня, заметив, что под верхними окнами тянется широкий карниз.

– Можно. Но сначала вам надо снять обувь и высушить ноги. Обрато поедем на такси, но все равно не хотелось бы, чтобы у вас в туфлях вода хлопала.

Соня и думать забыла про туфли.

– Они не такие уж и... – начала было она.

Но Борис к ее словам не прислушался.

– Садитесь, – сказал он. – И туфли снимайте.

Для сиденья подходил только стол. Двухтумбовый, высокий, массивный, из темного дерева, он был здесь единственным предметом мебели. Соня взобралась на него и сбросила туфли. Сколько ждать, пока они высохнут, и высохнут ли вообще в этом холодном помещении, было непонятно.

Но это ей было непонятно. Борис же взял газету, которая лежала на краю стола, и разнял на листы. Газета, советская еще, пожелтела от времени, на первой полосе видна была фотография Брежнева. Борис присел на корточки и, смяв, затолкал два листа в Сонины туфли. Потом взял ее ногу и обернул газетным листом так, что она словно в сапоге оказалась. То же самое он проделал со второй ее ногой и вторым газетным листом, и проделал так умело, будто занимался этим всю жизнь. Потом поставил обе ее обернутые ступни себе на ладони и сказал:

– Надеюсь, вы не простудитесь.

– Конечно, нет!

Наверное, Соня произнесла это с такой горячностью, что он едва заметно улыбнулся. Она увидела это потому, что он смотрел на нее снизу и зимний свет, льющийся из стрельчатых окон, проникал в его глаза, в их загадочные сумерки. Если его ладони прожигали ей ступни сквозь газету, то этот взгляд прожег ее всю насквозь.

Может быть, он почувствовал, как она вздрогнула. Но продолжал держать ее ступни на своих ладонях.

– Как это вы умеете... газетами оборачивать... – пролепетала она.

– Дед научил.

Она была смущена и потрясена, но и его голос не звучал совсем уж спокойно.

– А!.. – не зная, что сказать, проговорила Соня.

– У него был лагерный навык.

Борис убрал ладони из-под ее ступней и встал. Теперь она смотрела на него снизу и его глаза снова были для нее непроницаемы. И волнения в его голосе больше не слышалось.

– Его репрессировали? – спросила Соня.

– Просто посадили. Он был бухгалтер в стройтресте, воровали там люто, что-то не сошлось в накладных, и его сделали крайним. Во всяком случае, так он говорил. И всю жизнь считал, что ему повезло.

– Почему?

Ее волнение не прошло, но ей было интересно слушать Бориса. Он втягивал ее в круг своих слов мгновенно.

– Через год в этом стройтресте велено было обнаружить гнездо троцкистов. Так что он вовремя ускользнул от расстрела. Хотите, поднимемся наверх, пока туфли сохнут? Выберите себе рабочее место.

Взяв подмышки, он снял ее со стола. Идти в газетных обертках оказалось удобно. И так же удобно было подниматься по винтовой лестнице, которую Соня только теперь заметила в углу.

– На карниз не вставайте, – предупредил Борис, когда поднялись по этой лестнице на уровень стрельчатых окон. – Он на соплях держится.

– Как же там можно будет устроить рабочие места?

– Не волнуйтесь, всё сделаем.

Она и не волновалась. Невозможно было волноваться, когда он говорил вот так. Когда оборачивал ее ноги газетами. Когда просто стоял под зонтиком и смотрел на нее сквозь дождевые струи.

Она влюбилась в него с первого взгляда, и никакого не было смысла от себя это скрывать.

Глава 15

– Н-да... – Борис обвел взглядом помещение. – «В начале было слово» – не пустые слова.

– Что тебе об этом здесь напомнило? – поинтересовалась Соня.

– Приятельница, которая пару лет назад принимала участие в изготовлении вот этого всего, вчера мне сказала: мы создали идеальную пустоту, это место может быть заполнено чем угодно, оно примет в себя любую мысль.

– Интересно.

– На словах – да. Визуально – сама видишь. Претензия на нечто, а по сути – до боли знакомая картина: в заводской столовой помыли кафель и завезли новые стулья.

Он был, как обычно, прав. Заведение «Дом культур на Сретенке», во всяком случае, его второй этаж, отведенный под ресторан, вызвало у Сони примерно такую же ассоциацию. Зашкуренные стены с недочищенными островками старой краски. По высокому потолку среди пятен, напоминающих плесень, тянутся блестящие, как фольга, трубы и рейки, с которых свисают маленькие плоские светильники. Открытая кухня и бар отделаны мелкой белой плиткой. Белые металлические столы и такие же стулья с решетчатыми спинками выставлены длинными параллельными рядами.

– Неплохо, что я это увидел. Меньше будет иллюзий, – сказал Борис.

– Каких?

– Будто мне недостает каких-то элементов московской жизни. Полная утрата интереса к драматическому театру тоже пришлось как нельзя кстати.

Про утрату интереса к театру он сказал вчера, когда выходили из Вахтанговского после спектакля «Медея». Соня предположила, это из-за того, что Юлию Рутберг после пластической операции можно узнать только по голосу, и то не сразу, но Борис возразил: нет, мне просто стал безразличен драматический театр вообще, по самой его природе, возраст такой наступил, наверное, ну и хорошо.

– А почему мы пришли именно сюда? – спросила Соня.

– Хотел тебя угостить чем-нибудь необычным. Мне сказали, здесь хорошая кухня.

– Хорошая кухня теперь почти везде.

– Да, Москва обжирается как не в себя. И комфорт всё нарастает.

– Это плохо?

– Если бы все остальное было в порядке, было бы хорошо, – пожал плечами Борис. – А когда люди живут по чудовищным понятиям, в выморочном обществе, да еще посреди нищей, без медицины, страны и при этом снисходительно бросают: ты у себя там в Тель-Авиве таких ресторанов не найдешь... Мне до этого, впрочем, дела нет.

– Действительно нет?

– Действительно. Это долго было не так. А потом стало так. В какой-то момент я вообще перестал интересоваться, что здесь происходит. Этот лютый бред невозможно обсуждать серьезно. Все равно что обсуждать, совсем ли нехорошо питаться человечинной или надо уважать национальные традиции. В общем, хотел посмотреть, стоит ли приглашать ту мою приятельницу оформлять для меня коворкинг в Тель-Авиве.

– Решил, что не стоит?

– Конечно. За половину тех денег, в которые она оценивает свои дряхлеющие креативные способности, я на месте найду молодого дизайнера с фейерверком современных идей. Но давай все-таки пообедаем, раз уж пришли. – Он открыл меню. – Возможно, однажды в жизни следует узнать, что такое соус для молодой капусты с ореховым велюте и трюфелем на топленом индийском масле гхи.

Ирония по отношению к интерьерам была, может, и уместна, но Дом культур считался модным заведением явно не случайно. Повар в открытой кухне управлялся со сковородками виртуозно, музыка звучала ненавязчиво, зал быстро заполнялся симпатичными, просто и со вкусом одетыми людьми, заказ принесли без промедления, и еда оказалась приготовлена так хорошо, что это даже Борис признал.

– Я действительно не знаю, хорошо или плохо, что здесь вот так, – сказала Соня. – И что много где в Москве вот так. Я об этом просто не думала.

– Ты счастливый человек, – усмехнулся Борис. – Начисто лишена социального чувства. И всегда такая была.

На этих последних словах он замолчал, будто запнулся. Она поняла почему. Неделя, которую Борис намеревался пробыть в Москве, подходила к концу, они виделись каждый день, и хотя он больше ни разу не был у Сони дома, а она даже не знала, где он остановился, – их общее прошлое поднялось в эту минуту перед ними, как огромный кит поднимается из глубины океана, и показалось не прошлым, а почти настоящим.

– Боря! – вдруг услышала Соня. – Ну надо же! А говорят, ты уехал!

Она вздрогнула. Вряд ли что-то могло напомнить о том прошлом нагляднее, чем человек, с картинно распахнутыми объятиями идущий к ним между рядами белых столов.

Его Соня не видела за все эти годы ни разу, но, в отличие от первой с ним встречи в буфете Музея Пушкина после записи «Культурной революции», давно уже знала, как его зовут и кто он такой. Михаил Антонович Дерюгин был известным человеком еще во времена ее работы в Издательском доме Шаховского. Теперь же она видела его на экране каждый раз, когда включала телевизор, то есть буквально каждый. И не в передачах канала «Культура», а в политических ток-шоу, одно из которых он даже вел. В содержание этих передач она не видела смысла вникать не из отсутствия социального чувства, а просто оттого, что после пяти минут просмотра голова у нее начинала гудеть от истошных криков и злобных угроз, из которых эти шоу сплошь состояли. Дерюгина там представляли как директора национального института мировой экономики. Название звучало, на ее вкус, бессмысленно, но на вкус других людей, наверное, солидно.

Он подошел к их столу и сел на свободный стул. Показалось, что не прошло почти двадцать лет с их первой встречи. Соне почему-то стало от этого не по себе.

– А ты по-прежнему в Москве, и все та же красивая девушка с тобой, – с непонятным удовлетворением произнес Дерюгин.

Тоже, значит, вспомнил ту встречу в буфете, бесконечно давнюю, и тоже так, будто она была вчера. Хотя он-то наверняка встречался с Борисом и после, и не раз: в медиа Шаховского были представлены все сколько-нибудь заметные политические фигуры, и Дерюгин тоже.

– Привет, Миша, – ответил Борис.

И замолчал. Но если он рассчитывал, что его молчание покажется Дерюгину красноречивым и тот уйдет, то явно ошибся. Дерюгин придвинул к себе меню и спросил:

– Что посоветуешь? Говорят, здесь кухня отменная.

– Ничего не посоветую. – Борис поднял руку, подзывая официанта. – Мы уже уходим.

– А что так?

– Как?

– Пренебрежительно.

– Ничего пренебрежительного. Пообедали и уходим.

– Мы с тобой десять лет, между прочим, не виделись.

– Ну и что? – Шаховской пожал плечами. – Мы и раньше виделись не часто.

– Однако же ты от меня не шарахался.

– Миша, тебе что надо? – поморщился Борис. – Счет, пожалуйста, – сказал он подошедшему официанту.

– А что мне от тебя может быть надо? – ухмыльнулся Дерюгин. – Уже ничего. Ты, Боря, теперь никто. Частное лицо.

– Так частное лицо или никто?

Голос Бориса почти не изменился, но Соня слишком хорошо его знала, чтобы не слышать этого «почти».

– У нас это одно и то же, – ответил Дерюгин. – Да и у вас, думаю.

– Ошибаешься.

Что Борис разозлился, можно было понять только по тому, как мгновенно посветлело его лицо. Видно, злость на то, что было не в словах даже, а в самой сущности Дерюгина, имела более сильную физическую природу, чем загар.

– Это ты ошибаешься, Боря, – медленно, растягивая слова и чуть прищепывая пухлыми губами, проговорил Дерюгин. – Ты – ошибся. Вы все – ошиблись. А мы – нет. И мы победили. Только не надо мне рассказывать, что внуки будут меня стыдиться! Мои внуки будут меня благодарить за отличные стартовые возможности, которые я им обеспечил. А твои будут моих обслуживать, когда они в твой Израиль приедут отдохнуть.

Этот странный монолог удивил Соню. Как будто между Дерюгиным и Борисом происходил какой-то напряженный разговор, а она выходила и, вернувшись, застала его продолжение.

Соня взглянула на Шаховского. Он поморщился, помахал ладонью у себя перед носом и уже с обычной своей – такой ей знакомой! – невозмутимостью сказал:

– Зря с утра пить начинаешь, Миша. Не пришлось бы в Израиле не отдыхать, а лечиться.

Он положил деньги на принесенный официантом чек, встал из-за стола и пошел к выходу.

«Все-таки он изменился гораздо меньше, чем кажется, – сердито подумала она. – Делает что хочет, а ты что хочешь, то и делай».

Следовало, впрочем, признать, что все он делает правильно. Даже у Сони, не понявшей смысла этого спора, Дерюгин вызвал отторжение. И только теперь она почувствовала, что от него разит водкой. Что ж, это по крайней мере объясняет его поведение.

Снег валил мокрыми тяжелыми клочьями, и, хотя было всего два часа дня, стояла привычная ноябрьская полумгла. Борис ожидал Соню под небольшим козырьком желтого особняка, в котором располагался Дом культур. Или не ее ожидал, а окончания снегопада.

– С такой погодой запьешь, конечно, – сказал он.

– По-моему, у него это не пьяный бред.

– Конечно. У него это эшелонированная самооборона. Он же не дурак, понимает, какому монстру служит. Без выстроенной системы самооправдания даже водка не поможет.

– Служит? – переспросила Соня.

– Ну, обслуживает. Хотя может и служит, и при погонах. Кто их знает, кого они теперь на службу берут. Вполне могут и такого пустобола, как Мишка. Как выяснилось, люди массово поддаются самой примитивной пропаганде. И даже чем примитивнее, тем эффективнее. Он оказался очень эффективным, судя по тому, как охотно ему предоставляют эфир. Вот наше такси. – Борис всмотрелся в номер подъехавшей машины. – Куда тебя отвезти? У меня через час оформление сделки по квартире.

– На работу, куда еще, – пожала плечами Соня. – Я, к сожалению, с утра не выпила, так что день у меня не свободен.

Он открыл перед нею заднюю дверцу машины и сам сел рядом. В такси воняло карамелью от освежительной картонки, которая болталась под зеркалом заднего вида. Радио долбило: «Вите надо выйти, остановите, Вите надо выйти...». После того как это повторили в пятый раз, Соня попросила водителя выключить музыку.

– Насчет внуков он прав, – сказал Борис.

– Каких внуков?

Соня и думать уже забыла про Дерюгина. Тяжесть городского уныния охватила ее.

– Внук Хвата гордился дедом.

– Какого Хвата?

– Следователя, который лично избивал на допросах Вавилова. Умер почтенным старцем в своей постели. А не от кровавого поноса в тюрьме, как Николай Иванович. И внуки, уверен, гордились дедушкой Хватом. Мишка, думаю, долларовый миллионер уже. Так что его внуки действительно будут ему благодарны за наследство. А каким путем оно нажито, им будет плевать. Остается только постараться, чтобы моим внукам не пришлось их обслуживать.

– У тебя есть внуки? – поинтересовалась Соня.

Когда они встретились впервые, он уже несколько лет был в разводе и ни детей, ни тем более внуков у него не было. За восемь лет, прошедших после их расставания, внуки тоже вроде бы не должны были появиться. Но кто его знает.

– Пока нет, – ответил Борис. – Но не исключаю, что будут.

Он повернулся к Соне и поцеловал ее. Это было так неожиданно, что она ахнула. И так быстро, что не успела понять, что чувствует при этом.

– Встречу тебя после работы, можно? – спросил он.

И чуть сбивчивое дыхание, и само то, что он спрашивал, можно ли ему сделать что-то связанное с нею, было необычно для него и неожиданно для нее. Сделка по квартире... Ему больше незачем оставаться в Москве. И сегодня надо ответить, что она решила.

«Совсем не надо отвечать! – малодушно подумала Соня. – Чтобы я улетела с ним прямо сейчас, это был только один из вариантов. А вообще речь шла о проекте, который начнется весной. До весны еще далеко».

И тут же рассердилась на себя за это малодушие.

Но сердиться можно сколько угодно, однако следует признать, что его решения всегда оказывались лучшими из возможных. И в те годы, когда она работала у него, и в тот последний день, когда это кончилось.

Глава 16

Соня думала о том, как Борис поцеловал ее сегодня утром. Это была очень важная мысль. Она проснулась от его поцелуя, и он определил ее день. Может, Борис знал, что так будет. А если не знал, то все-таки был бы, наверное, рад, что это оказалось так. Он любит охватывать собою ее труды и дни. Потому что любит ее. Когда он впервые сказал ей об этом, его слова были так же горячи, как его губы, как все его тело, которое она чувствовала и в себе, и на себе, и собою.

Ох, некстати подумалось об этом именно сейчас! Ее словно током пробило – раз, и другой, и снова. Она поскорее встала и, потянувшись через широкий подоконник, прижалась лбом к холодному стеклу высокого стрельчатого окна.

Это было именно то рабочее место, которое Соня выбрала, когда впервые вошла в это здание. Только теперь вдоль окон второго этажа тянулся не хлипкий карниз, а стеклянная галерея, стеклянными же стенами разделенная на кабинеты. Это выглядело так современно, и необычно, и просто фантастически красиво, особенно если смотреть снизу, что каждый раз, приходя на работу, Соня хоть на минутку задерживалась внизу, в нюс-рум, чтобы этой галереей полюбоваться. И только потом поднималась по винтовой лестнице наверх, в свою прозрачную комнатку, к своей любимой работе, и погружалась в нее.

И вот стоило ей сегодня отвлечься от работы буквально на минуту, как вспомнился утренний поцелуй и потянуло к Борису так, что, войди сейчас кто-нибудь в кабинет, она, наверное, не смогла бы скрыть свое состояние.

Но никто не входил, все наоборот выходили из своих кабинетов и тянулись к дверям, ведущим в коридор. В конце этого коридора была столовая, а время подошло обеденное.

Столовая начала работать в первый же день, когда Издательский дом переместился на шоссе Энтузиастов. За пять лет никому не надоело здесь обедать, потому что шеф-повар Зольтан, тоже принятый Шаховским на работу с первого дня, мало того что готовил вкусно, так еще и полностью обновлял меню раз в полгода. Конечно, жалко бывало, когда любимое блюдо вдруг исчезало, но Зольтан считал, что в одной только венгерской кухне достаточно блюд, чтобы не держаться за единственное, а он и за одну только венгерскую кухню не держался.

Если все это не называется счастьем, то что тогда им называется?

Соня отошла от окна, не садясь за стол, поставила точку в тексте, который был перед ней на экране, и вышла из комнаты.

Ей редко удавалось работать вот так, в одиночестве – отдел, которым она руководила, требовал ее постоянного участия. Особенно после того как Борис заключил большой контракт на издание учебников по всем школьным предметам. Два года назад, когда он поставил Соню в известность о том, что теперь ее служебные обязанности расширяются, она оторопела. До сих пор отвечала только за издание книг по искусству, литературе, истории. И вдруг физика, алгебра, биология, и не просто книги, а учебники, методические пособия и бог знает что еще. Да она же понятия не имеет об этих науках! И кому эти учебники заказывать, кто будет их оценивать, редактировать, утверждать?

Но когда Соня высказала свои сомнения Борису, он ответил:

– У тебя достаточно способностей, чтобы с этим справиться. Надо их только активировать. С этим ты справишься тоже.

Его безапелляционность была бы ей обидна, но у нее и вообще не было привычки обижаться, и тем более на него.

Борис всегда говорил, что она самодостаточна. Наверное, так и есть.

И, тоже как всегда, он оказался прав. Довольно быстро выяснилось, что авторы, способные написать, да уже и пишущие, и даже написавшие новые и лучшие учебники по физике или

биологии, хорошо известны в сообществе, в котором Соню встретили с распростертыми объятиями, как только узнали, что она таковыми авторами не абстрактно интересуется. И редакторы, и корректоры, которые могут с этими учебниками толково работать, известны тоже.

И Соня взялась за работу. С тем большим воодушевлением, что на ее вопрос, зачем ему вдруг понадобилось издавать учебники, Борис ответил:

– Новостное медиа требует денег. Учебники – отличный способ их стабильно получать. И приличный способ, – добавил он.

Соня не была уверена, что Шаховской-медиа – новостная лента, интервью, репортажи, колонки мнений – критически зависит от тех денег, которые приносит издание учебников. Холдинг Бориса стал уже влиятелен, от рекламы не было отбоя, и доход она давала, видимо, немалый. Но тонкостей всех этих процессов Соня не знала, и Борису, конечно, было виднее.

Как бы там ни было, а ее жизнь в издательстве, и раньше захватывающе интересная, стала такой динамичной, что иной раз не верилось: неужели это она занята столь важной и ответственной работой? Когда в редакцию впервые привезли сигнальные экземпляры учебников, даже обложки которых свидетельствовали о новизне и незаурядности, ей не сразу удалось связать их с собою. Как действенно может быть ее усилие! Она не ожидала от себя такого.

Но мало ли чего она от себя не ожидала. Разве могла представить, что мужчина, от одного взгляда которого сходят с ума женщины невероятной красоты и закручиваются дела невероятной важности, под утро шепчет ей, еще погруженной в сон: «Хочу тебя...» А между тем именно это он шептал ей сегодня.

Борис не говорил, что у него намечается какой-нибудь деловой обед, поэтому Соня думала, что увидит его в столовой. Но он вышел на порог своего кабинета, когда она проходила мимо, и сказал:

– Зайди.

Его кабинет, в отличие от других комнат Издательского дома, не был прозрачным. Соня знала, что время от времени этот кабинет даже проверяют на наличие прослушивающих устройств. Что ж, Шаховской-медиа имело такое влияние, общественное и, наверное, политическое, что разговоры, не предназначенные для посторонних ушей, конечно, велись в кабинете его руководителя. Впрочем, она не особенно об этом задумывалась.

Стол здесь был тот самый, на котором Соня сидела в первый зимний день, когда Борис оборачивал ее ноги газетами. Она каждый раз вспоминала это, входя. Оказалось, что стол старинный, после реставрации он стал выглядеть как произведение искусства и шел Борису так же, как сшитый в Лондоне костюм.

Костюм они вместе заказывали в ателье на Сэвил-роу. Соня тогда почувствовала прямо-таки детский восторг, когда закройщик сказал, что ее выбор фасона и ткани безупречен.

Она и сейчас улыбнулась, вспомнив это.

– Послушай, – сказал Борис, закрывая дверь, – я беру отпуск и уезжаю. Завтра.

Соня ушам своим не поверила. Спонтанные решения не были ему присущи вообще, а в делах тем более. И только вчера он говорил, что на днях подписывает несколько важных партнерских соглашений, а сразу после этого должен будет поехать в Германию на конференцию европейских медиа, и она еще уточнила, куда именно в Германию, а когда узнала, что в Нюрнберг, пожалела, что не сможет поехать с ним и увидеть рождественский базар, самый красивый в Германии, как раз недавно читала о нем в книге, которую...

– Но как же в отпуск, Боря? – удивленно спросила она. – Почему вдруг?

– Поедешь со мной? – не ответив, спросил он.

– Ну... да, – растерянно проговорила Соня. – Правда, у меня завтра встреча в министерстве, и я...

– Отложи. – Он не стал дослушивать про встречу. – И возьми нам билеты.

– Куда? – с той же растерянностью спросила она.

– Куда хочешь. К морю. В Альпы.

– Так к морю или в Альпы?

Билетами всегда занималась его секретарша Пальмира Викторовна.

Как все это странно!

– Все равно. Куда хочешь, – повторил он.

Мрак его голоса поразил ее. Она подошла к Борису, заглянула ему в глаза. Но и в них ничего кроме мрака не увидела.

– Боря, что случилось? – спросила Соня.

Он не ответил. Это уже ни в какие рамки не укладывалось. Борис никогда не позволял себе ею пренебрегать. И к тому же он просто любил разговаривать с ней о своих замыслах и планах, даже если эти планы не имели к ней прямого отношения и никакой практической необходимости в их обсуждении не было.

– Ты обедать шла? – Он сел за стол. – Иди, пожалуйста. Мне надо кое-что сделать.

Соня хотела спросить, когда он освободится, когда они смогут толком поговорить. Но Борис смотрел только на экран своего компьютера, и понятно было, что расспрашивать его сейчас не стоит.

«В конце концов, мы увидимся вечером дома, – подумала Соня, выходя из кабинета. – И все обсудим».

Эта мысль успокоила ее. Но в столовую идти расхотелось. Она и так-то не великий едок была, еще в детстве бабушке удавалось ее накормить только под чтение вслух какой-нибудь книжки, и с возрастом не приобрела к еде интереса.

Вернувшись в свой кабинет, Соня снова включила компьютер и стала редактировать колонку, которую только что написала для Шаховской-медиа. Тексты для этой корпоративной колонки, маленькие эссе, поочередно писали все сотрудники: считалось, что это увеличивает пользовательскую лояльность.

Соне такие эссе давались легко. Борис говорил, что ей естественным образом присущ тот не стиль даже, но взгляд на мир, который для подобных текстов требуется, потому что она отмечает в жизни всяческие неуловимости. Людям они обычно кажутся несущественными, но когда они начинают видеть их Сониным взглядом, то меняют свое мнение.

Однако сегодняшняя колонка – о семейных историях – давалась ей трудно, потому что она не могла понять, что считает правильным, забыть ужасы прошлого, чтобы можно было жить дальше, или наоборот, не забывать их никогда, чтобы они не повторились.

Тема эта возникла вчера и совершенно неожиданно. К Соне в кабинет зашла Валентина Ивановна, корректор, и сообщила, что вторую ночь не спит. Дочь собралась замуж, стали знакомиться с родителями жениха, и за приятным обеденным разговором выяснилось, что прадед этого самого жениха получил когда-то ордер на квартиру прадеда невесты, которого расстреляли перед самой войной.

– А мама моя хоть и маленькая тогда была, но родительский разговор подслушала и запомнила, что ее деда по доносу взяли, – взволнованно объясняла Валентина Ивановна. – И что донос ради квартиры был. И вот как мне теперь к этим родственничкам относиться? Конечно, когда все это было, и не они же тот донос написали, и мальчик вроде хороший, Ольку мою любит. Но кровь ведь не водица, и кто знает, какой на самом деле мальчик в такой семье мог вырасти. Вот они сейчас в той квартире на Пресне живут, в которой мы должны были жить, и не знаю даже, что бы они мне ответили, если б я им рассказала... И надо ли рассказывать?

Соня тоже этого не знала. И эссе, написанное в первом порыве, ее поэтому раздражало. Или не поэтому? Во всяком случае, ей стало казаться, что у нее получился не связный текст со своей внутренней логикой, а беспомощный лепет. Наверное, все-таки не стоило браться за такую болезненную тему, а надо было написать о том, как истории книжных персонажей

повторяются в повседневности и как чтение Джейн Остин помогает человеку выстоять под ветром жизни. Она ведь вчера об этом и намеревалась писать, и тут вдруг Валентина Ивановна.

Соня уже собиралась отправить готовый текст в корзину и вернуться к Джейн Остин, но поняла, что сделать этого не сможет. Не потому, что жаль написанного, а только потому, что тревожные мысли о Борисе не дают ей сосредоточиться ни на чем и ничего нового она сейчас уже не придумает.

И весь день эта тревога пронизывала ее привычные дела.

На работе она его больше не видела, а если они не уходили с работы вместе, это значило, что домой он вернется поздно. Но когда вечером Соня вошла в квартиру, Борис вышел из комнаты в коридор ей навстречу. Это было так неожиданно, что она вздрогнула.

Они жили в квартире, которую оставили ему родители, уехав в Израиль. Родители были пенсионерами, папа вдобавок ветераном войны, поэтому съемную квартиру в Хайфе им оплачивало государство и продавать московскую не было надобности. Соня вспомнила, как Борис впервые попросил ее остаться у него. Они были в Театре Маяковского на спектакле молодого режиссера Карбаускиса, потом зашли в «Маяк», журналистский клуб, занимавший здесь же в театре маленькую комнатку с отдельным входом. Борис был членом этого клуба, но приходил сюда больше по необходимости, чем по желанию. Светская жизнь не привлекала его, но и не тяготила, а в «Маяке» бывали все журналисты и почти все сколько-нибудь заметные в Москве люди, поэтому здесь удобно было решать вопросы, которые требовали не переговоров, а лишь быстрой договоренности. К столику, за которым они с Соней ужинали, поочередно подсаживались то артист Ефремов, то поэт Орлуша, то какие-то неизвестные ей люди, все они с живым интересом расспрашивали Бориса о его Издательском доме, со всеми он разговаривал с той непринужденностью, которая не многим дается, а потом сказал Соне, что будет счастлив, если они поедут домой вместе. Так и сказал, не «ко мне», а «домой вместе», и с тех пор, уже три года, дом у них был общий, вот этот, на Якиманке, и годы эти пролетели как один счастливый миг.

– Я еще не взяла нам билеты, – сказала Соня. – Надеюсь, ты мне все-таки скажешь, куда. И объяснишь, что случилось.

– Ты никогда меня ни в чем не упрекаешь, – с какой-то странной, рассеянной задумчивостью проговорил он. – Но при этом всегда и обо всем говоришь прямо.

– Почему «но»? Разве это противоположности?

– У большинства людей – конечно. Случилось, да. Я ухожу из холдинга.

– Куда? – Соня задала этот вопрос прежде, чем поняла его бессмысленность. И тут же воскликнула: – Но как это может быть?!

– Я не ожидал, что это может быть. Хотя надо было ожидать.

Только теперь Соня заметила, что он не просто мрачен, а зол как черт.

– Почему? – спросила она. – Почему этого надо было ожидать?

– Потому что мой Дом стал иметь значение и играть роль. И мне тут же напомнили, что на самом деле он не мой, и попросили освободить поляну.

Соня, конечно, знала, что, несмотря на именное название, Издательский дом не принадлежит Борису, он руководит им как генеральный директор. Но он создал его с нуля, он сделал его заметным и влиятельным, и без него все было бы совсем не то, совсем не так, да что «не так» – без него вообще не могла бы с таким азартом и толком работать эта прекрасно налаженная машина, нет, не машина, а живой организм!..

– Но зачем же все разрушать? – растерянно спросила Соня.

– Хороший вопрос. – Усмешка не переменяла злого и сосредоточенного выражения его лица. – А зачем надо было уничтожить «Юкос»?

– Но ведь то нефть! Там какие-то темные игры...

– Игры предельно ясные. Один из побочных продуктов нефти – возможность влиять на умы. У медиа влияние на умы прямое. А они хотят держать умы под своим полным контролем.

Под словом «они», наверное, подразумевались какие-то властные личности. Или нет? Соня вспомнила, как в Издательский дом приезжал премьер-министр, как Зольтан кормил его в столовой и тот восхищался венгерской кухней... Она хоть убей не понимала, почему Борис должен все это бросить! Впервые ее не убеждали его объяснения. Неужели этим неопределенным «им» мало огромных нефтяных денег, зачем еще издательство, хотя бы и успешное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.